

Часть I

*Алана К Соломо
Анна Александер:
королева огня*

Алана Соломо
Алана К. Соломо Анна
Александр: королева огня

<https://litres.ru/74070919>

SelfPub; 2026

Аннотация

В книге представлена история жизни маленькой девочки девяти с половиной лет, которая вопреки всем запретам пробралась в дом своей мечты. Девочка росла с ощущением бесполезно существования до тех пор, пока не встретила с хозяином того самого дома — Иваном Лионом.

В доме она также знакомится с Азазелью — своей будущей подругой, затем с Руварсом — случайно появившемся в ее жизни молодым демоном тьмы, который ради нее становится человеком!

И история начинает оборачиваться неожиданным для всех образом...

Содержание

Глава	4
Глава	15
Глава	29
Глава	39
Глава	50
Глава	62
Глава	75
Глава	82
Глава	98
Глава	107
Глава	119
ГЛАВА 12. Сказочное предложение	128
ГЛАВА 13. Путешествие Сании и Германа	139
ГЛАВА 14. История Джима	150
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Алана Соломо

Алана К. Соломо Анна

Александр: королева огня

Глава

Глава 1.

Необычные образы

Герман и Сания Александр, были людьми с устоявшимися, порой причудливыми, взглядами на жизнь и работу, находили утешение в одобрении посторонних им людей. Их заверения в том, что всё идёт как надо, дарили чете спокойствие и гармонию. Однако недавнее событие омрачило душу Германа, оставив тяжёлый след в его сердце. Теперь ему предстоит справиться с этой ношей, а будущее покажет, как это повлияло на его жизнь и отношения с Санией и дочерью.

— Какой дивный дом! Чей он, папа? — прозвучал звонкий вопрос девятилетней Анны.

Герман вздрогнул, словно от удара, осознав свою оплошность. Он ускорил шаг, стараясь поскорее увести дочь от дома, мимо которого они проходили впервые.

— Папа, почему мы так спешим? Ведь мы вышли на про-

гулку, пока мама хлопочет над обедом! — не унималась девочка.

Мучимый тревогой, мужчина торопился покинуть это чудное место. Досада на собственную беспечность терзала его. Ярость клокотала внутри. Когда от дома осталась лишь верхушка крыши, а размытый отблеск окон ещё мерцал вдали, он резко остановился и огляделся. Мысль о том, что их могли увидеть, не давала покоя. Но превыше всего было сейчас — посеять в душе Анны такой страх, чтобы само воспоминание об этом месте обращало её в бегство.

Переходя дорогу между тихими улочками, освещёнными фонарями, девочка заметила пару глаз, наблюдавших из окна того самого дома. Их синеватый блеск и манящая красота заворовили её. И пусть она не знала, кто был в окне, от дома веяло теплом, от которого она невольно улыбнулась.

— Папа, ну почему ты не отвечаешь? — вновь спросила Анна.

В этот миг спокойный и уравновешенный мужчина преобразился в холодного, жёсткого зверя. Глаза его забегали словно он совершил опрометчивый поступок. Едва сдержавшись, он грубо дёрнул дочь за руку, так что от неожиданности у неё приоткрылся рот.

— Слушай, Анна, наша прогулка здесь — огромная ошибка! Ты же знаешь, мы так не ходим! Умоляю, больше здесь не появляйся, ни с друзьями, ни тем более одна. В этом доме давно уже никто не живёт, и неизвестно, кто мог его

занять, пока он ветшает! — отрезал Герман с яростью.

— Хорошо, папа. Если ты просишь, я так и сделаю, — ответила девочка.

— И ещё, ни слова маме о том, что мы здесь были. Она тебя отругает! Ты же знаешь, её нужно слушаться? — добавил он, помолчав.

Девочка кивнула, а мужчина ещё долго думал над ситуацией, в которую сам себя поставил.

— Какой же я невнимательный! Сания мне этого не простит, если узнает! Главное, чтобы Анна молчала, а я сам ничего не скажу! — бормотал он себе под нос так громко, что девочка то и дело заглядывала ему в лицо.

Воспоминание об этом дне отпечаталось в моей памяти, словно фотография. Как же я тогда мечтала увидеть силуэт в окне, того, кто за нами наблюдал! Что за тепло таилось за его стенами, которое я чувствовала на расстоянии!?

С годами интерес к этому дому не угас, а лишь разгорелся. Находясь вдалеке, я всегда украдкой поглядывала в его сторону, надеясь увидеть кого-нибудь рядом. С тех самых пор все мои мысли были связаны с тем строением и глазами, которые я увидела издалека. Они преследовали меня во сне и наяву, сплетаясь в причудливые узоры на холсте моего воображения. Я пыталась объяснить себе увиденное, понять, что именно произвело на меня такое сильное впечатление?

Оказывается, это место, окутанное тайной и страхом, упоминалось как «Вратами Теней». И теперь, обуреваемая лю-

бопытством и страхом, я решила во что бы то ни стало попасть внутрь того дома и раскрыть его секреты. Но также понимала, что этот путь будет полон опасностей и испытаний, к которым невозможно подготовиться заранее, но...

В четырнадцать лет, совсем юная, я много времени проводила за книгами. Жажда познания была безграничной, так как и жажда узнать жителей того чудного дома.

Его стены, казалось, шептали истории, а окна, словно глаза, наблюдали за миром с мудрой снисходительностью.

Каждый шорох листьев в саду, окружавшем дом, казался посланием, каждый луч солнца, проникавший сквозь витражи, рассыпался на тысячи искр, таящих в себе намёки. Что, если обитатели дома, и правда являются хранителями древних знаний, стражами забытых ритуалов или последние из тех, кто помнит моё истинное имя?

Сердце билось в предвкушении открытия. Рука невольно тянулась к резной двери, украшенной символами, смысл которых ещё предстояло разгадать. Вдохнув полной грудью прохладный осенний воздух, я решилась. Шаг за порог был шагом в неизведанное, в мир, где реальность сплеталась с фантазией, где прошлое встречалось с будущим. Туда, где жажда познания наконец-то могла быть утолена или, может быть, только разгореться с новой силой.

Единственным человеком, разделявшим мою страсть к знаниям и дому, являлась моя верная подруга Лина, моя опора и крепость. Ведь настоящих друзей всегда немного.

Лина была нежной и хрупкой, а я, задиристая девчонка с разбитыми коленками, чаще всего заставляла её волноваться. Она запрещала мне играть с другими детьми, зная, что кто-нибудь из них непременно расплачется.

— Не подходите к ней, она вредная! — говорила она соседским детям, зная мой буйный нрав.

Человек с чистой душой, ангельским взглядом и мягким голосом, она никогда не возмущалась, не ругалась и не кричала, разве что на меня, предчувствуя, что кому-нибудь из наглых мальчишек скоро достанется.

— Ох, и получишь ты когда-нибудь от такого же задиры, как и сама! — говорила она мне.

Но странно, я никогда не получала отпора. Вся наша девтора остерегалась меня и боялась даже проходить мимо.

В юном возрасте я познала многое. В четырнадцать лет я узнала, что такое потеря, что такое боль. Единственный человек, который меня понимал, уходил, и я чувствовала это так остро, что сама начала растворяться в её горе. У Лины обнаружили тяжёлую болезнь, которая сокращала её жизнь с огромной скоростью.

Физическая боль отступает, когда уходят эмоции. Мы не властны над этими процессами.

Чаще всего я подходила к её дому и, прислушиваясь, не слышно ли плача, тихонько открывала металлическую дверь, навешенную на два прочных замка, и неторопливо ступала по скрипучим половицам. В полной тишине я входила в её

комнату, обставленную со вкусом, где всегда были: свежие цветы, занавешенные окна, кремовые обои, сливавшиеся с уютным интерьером. Мягкая мебель придавала лёгкость, а люстра и комод с хрустальным шаром, внутри которого таилась зима и Рождество, не давили своей массивностью. Комната была обставлена просто, казалась раем для девочки, страдающей от недуга.

В последнее время надежда на выздоровление Лины стала угасать, словно догорающая свеча в непроглядной ночи, и в один из дней у порога её дома меня встретила старшая сестра Лины. Она дрожала от горя, и слёзы градом катились из её глаз. Вот тогда я поняла, что о новых сказках моя подруга больше никогда не узнает.

Потеря человека, вокруг которого вращаются твои мысли, — тяжёлое испытание для любого возраста. Сердце покрывается пеленой грусти, а затем становится ещё хуже. Со временем понимаешь, что чем раньше отпустишь мысль об уходе близкого человека, тем легче. Ведь если жить с потерей, она может никогда не отпустить, и ты станешь пленником негативной энергии и тёмных мыслей. Ушедших нужно отпускать с лёгкостью, ведь вы ещё встретитесь, в другой форме и в другом измерении.

Я была приёмной дочерью, тихой тенью в доме родителей, послушной, но с огоньком своенравия в характере. Моя любовь к родителям была чиста, как первый весенний цветок, и она расцветала с каждым их взглядом, с каждым словом,

каждым вздохом. Их привязанность ко мне также росла год от года, и моя любовь крепла, словно корни древнего дерева, проникая глубоко в сердце.

Жизнь, подаренная мне семьёй, была прекрасна, они окружали меня заботой и вниманием, помогали расти и формироваться, взращивая личность, которую готовили к будущему.

О своих настоящих родителях я не знала ничего. Сколько бессонных ночей я провела, пытаясь понять, что могло заставить их отказаться от меня? Где была та черта, за которой я становилась «ненужной»? Но, вероятно, эта тайна навсегда останется неразгаданной. Годы стирали остроту желания встретиться с ними, оставляя лишь слабый отголосок любопытства.

— Мама, а ты знала моих родителей? — спросила я однажды, и лицо женщины застыло на мгновение в маске изумления.

Тогда я не придавала этому вопросу значения. Но спустя время вопрос был задан и отцу. В отличие от матери, он не растерялся и ответил, что видел их лишь однажды!

— К чему эти вопросы, Анна? Раньше тебя это не интересовало, — спросил Герман.

Смущение коснулось моих щёк. Неожданное чувство вины кольнуло сердце, хотя было непонятно, в чём же я провинилась.

— Мне просто интересно, что это за люди, которые пре-

дают... — ответила я, глядя отцу в глаза.

Герман и Сания переглянулись, и неприятный холодок пробежал по спине. Где-то в глубине их встревоженных сердец они поняли, к чему ведёт разговор их дочь, но предпочли отмолчаться, переведя тему и лишь ответили:

— Мы видели их мельком, всего один раз. А потом они исчезли из нашей жизни, и мы стали счастливы. Так что, милая, не думай об этом. Это прошлое, туда нет дороги. Мы счастливы втроём, разве нет?

Анна кивнула, ощущая, как в голове эхом отдаётся вопрос, не находя ответа.

— Почему именно тогда я увидела тени за окном? — спросила я тогда вслух.

Они сделали вид, будто не слышат моего вопроса. Ведь все вопросы, касающиеся прошлого, не имели для них значения.

Я продолжала смотреть на родителей, но мысли мои блуждали где-то далеко. Сания и Герман наблюдали за мной, видя, как ребёнок превращается во взрослого, задающего неудобные вопросы человека.

— Мне немного страшно за Анну. Она ведь наша дочь, и... ты знаешь, она сильна в своих... — начала Сания, но не успела закончить.

— Лучше оставить всё как есть, Сания. Молчи и не вызывай подозрений! — оборвал её Герман.

— Нужно посоветоваться с главным. Может, есть возмож-

ность вернуть нас в... — она снова осеклась.

— Когда ты перестанешь накликать беду?! Сиди тихо, пока Анна не дошла до правды! Если она узнает, кто мы такие, нам всем не поздоровится! — громко повысил голос Герман.

— Кто дал ей эти фигурки, Герман? — тихо прошептала Сания.

Герман пожал плечами, молча отрицая свою причастность, и направился к выходу. Его мысли были собраны, взгляд — сосредоточен. Он не хотел вмешиваться в дела Сании, но и пускать ситуацию на самотёк также не мог, зная её импульсивность.

Наши взгляды с ней в мгновение встретились. Я, словно потерянная, собирала свою картину, делая вид, что не интересуюсь их разговором. Но каждое слово, каждое движение не ускользало от моего внимания. Желание узнать хоть что-то о своих настоящих родителях стало огромным.

— Анна, подойди, пожалуйста! — вдруг попросила Сания.

Я послушно поднялась и подошла к ней. Герман, почти у самой двери, замер. Он предчувствовал, что разговор может принять неприятный оборот, и решил дождаться его окончания.

— Не злись на нас, Анна. Мы желаем тебе только добра и ничего от тебя не скрываем, кроме... — Сания запнулась, словно подбирая слова.

Зрачки Германа на мгновение вытянулись в горизонталь-

ные щели. Чувствуя, что Сания может всё испортить, он стремительно подошёл к нам.

— Девочки, может, прогуляемся? — предложил Герман, явно сбитый с толку.

В его глазах вспыхнули четыре черных зрачка, их блеск был нестерпим. Желание затуманить мой разум, заставить меня всё забыть, нарастало в нём с каждой секундой.

— Подожди, отец. Я хочу выслушать её. Ей ведь есть что рассказать, правда, мама? — спросила я, на мгновение взглянув отцу в глаза.

Герман, вне себя от ярости, покрылся испариной. Он понимал, что если не исправит ситуацию, все его усилия по сохранению семьи будут напрасны. Сжав кулак до хруста костей, он медленно закатил глаза, и, когда открыл их, я испугалась, словно передо мной был монстр. С недоверием уставившись на него, я спросила:

— Отец, что с твоими глазами?

И тут же я провалилась в темноту.

Прошло около часа, прежде чем я очнулась. Сон был недолгим, но в голове царил туман, тяжёлые мысли мешали смотреть на ситуацию глазами подростка. Я смутно помнила, что произошло, почему уснула посреди дня, не помнила ни разговора с родителями, ни странных глаз отца...

Я забыла всё, что происходило некоторое время назад, а проснувшись, не встретила дома ни Германа, ни Сании. Единственное, чего мне хотелось, — это пройти по весен-

ней улице, вдохнуть аромат цветущей сирени, искупаться в лучах солнца, чтобы развеять свою рассеянность, а возможно, прояснить ситуацию, в которой я оказалась, ту ситуацию, о которой, возможно, я и не догадывалась.

Глава

Глава 2.

Странные существа

Анна шла вверх по дороге, извилистой, словно речной поток, прорезающий узкие улочки тихой деревушки Миххау. Навстречу, чуть согнувшись под бременем лет, двигался старик, чьё лицо было испещрено морщинами, словно карта прожитых лет. Из его уст вырывались тихие обрывки мелодии, казалось, забытой временем песни. Двигался он с той уверенностью и невозмутимостью, что присуща скорее юноше, нежели старику. В руках у него была небольшая коробочка, которую он перебрасывал из ладони в ладонь, словно играя в кости с самой судьбой.

Незаметно для себя, словно зачарованная, Анна очутилась у дома. Разум её был тих и безмятежен, словно гладь чудного озера.

Вынырнув из потока мыслей, бурливших в сознании, она обнаружила себя стоящей перед ним — домом, притягивающим, словно магнит.

Слова не могли передать странную смесь чувств, обуревавших её. Сердце колотилось, словно пойманная в клетку птица, дыхание стало прерывистым. Она всегда ощущала, что этот дом пропитан магией, как и его давние обитатели.

Даже в самый хмурый день, в разгар снежной бури или лютого мороза, от него исходило тепло, дарящее ей силы и наполняющее жизненной энергией. Не зря ноги сами привели её сюда, по пути, отклоняющемуся от привычного маршрута.

Тепло, струившееся от стен, густо увитых изумрудного цвета плющом, было до боли знакомым, словно за ними скрывалось что-то родное и близкое. Ни один лист не шелестел, создавая ощущение уединенности, будто она оказалась в сердце густой чащи. Деревья окружали дом со всех сторон, скрывая его от посторонних глаз. Сквозь их переплетение пробивались робкие лучи солнца. Не было ни единого облачка, и это безветрие казалось зловещим. За доли секунды перед глазами пронеслась вся её жизнь. Прищурившись, она различила вдали группу людей, о чём-то оживленно беседующих. В воздухе витал сладкий аромат сирени. Сознание было чистым, что поначалу пугало Анну, ведь именно здесь, у этого дома, с ней всегда происходили странные вещи.

Каждый её выход из дома, будь то на учебу или обычная прогулка, заканчивался тем, что она оказывалась здесь, и все её чувства и ощущения менялись в корне.

Она грезилась этим домом, не зная причины этого желания, но знала, что входить внутрь нельзя. Днями и ночами мечтала вдохнуть запах старой мебели, ощутить аромат цветов, посаженных чужими руками, полежать на траве в его тенистом саду.

Что-то необъяснимое началось с тех пор, как отец по

ошибке свернул не туда и они оказались возле этого дома. С тех пор она не могла найти покоя или сосредоточиться ни на чём более важном, чем этот чужой, обветшавший дом.

— Есть в жизни место для событий, где всё случается тогда, когда ты больше всего этого желаешь, но совсем не ждёшь. Это закон вселенной, закон притяжения. Назови это магией или волшебством — решать тебе, но как бы ты это ни назвала, оно неизменно исполнит твоё желание, — сказал ей однажды учитель астрономии.

И если быть откровенными, то наша жизнь и есть самое настоящее чудо.

Анна торопливо свернула с тропы, запретной для неё родительским наказом. В сердце поселился холодок предчувствия: если хоть один любопытный глаз приметит её крадущейся тенью у стен проклятого дома, гнев родителей обрушится на неё с неумолимой силой стихии.

Тот день врезался в память ослепительным осколком волшебства, сотканным из нереальности и грёз. После прогулки время словно рассыпалось на мириады мгновений, ускользающих от осознания. Она не помнила ни дороги назад, ни событий, оставивших след в этот замороженный день, словно кто-то вычеркнул эти моменты из её памяти, щелкнув пальцами. Единственное, что она запомнила, — это глаза, смотревшие на неё из окна, глаза, полные доброты и тепла.

— Отчего же мир так устроен? — вопрошала она Лину, и в голосе звучала неподдельная боль. — Сколько кра-

соты гибнет в тени, лишь бы однажды блеснуть в лучах чужого признания, соответствовать навязанным идеалам, высидеть над другими или, наоборот, униженно склониться. Неужели нельзя просто жить, излучая доброту, находя счастье в простых радостях, не гоняясь за призрачными тенями совершенства?

— Возможно, придёт время, когда на эти вопросы ответят люди, более мудрые, чем мы сейчас, ведь мир меняется к лучшему. А пока, ищи в этом прекрасном мире только хорошее, — отвечала Лина.

Так я и жила в предвкушении счастливой жизни и прекрасных моментов, которые мне ещё предстояло узнать и увидеть.

Что же до родителей Анны, Саня и Герман спешно собирались в поездку. Они торопились, словно вихрь пронеслись по дому и вылетели за дверь, не успев толком поговорить с дочерью.

— Не забудь покормить кота, завтра вечером будем! — успела крикнуть Саня дочери, которая удивлённо смотрела им вслед, приоткрыв рот.

В тот момент девушка стояла со стаканом молока в руках. Недоумевая, Анна смотрела на уезжающих родителей, не понимая, что происходит.

— Вот бы с кем-нибудь поговорить... Мне и вправду не с кем поговорить, — прошептала Анна, как только захлопнулась входная дверь.

Выражение её лица было измученным, ведь подростку было трудно признать, что она совсем одна в этом огромном мире. Она с грустью вспоминала Лину, которая, вероятно, сейчас счастливо восседала на троне рядом с ангелами.

Прошло время, и Анна постепенно перестала терзать себя одиночеством. Скорее всего, она даже полюбила его, ведь с собой нужно жить в гармонии. Девушка нашла в себе силы побороть страх остаться без общения, и после всего пережитого её ждал приятный сюрприз. Она знала, что есть множество занятий, дарующих покой и уму, и телу... но...

На следующий день, когда солнечный свет лениво проник в её комнату, тишину разорвал странный звук, донесшийся из зала. Сначала ей почудилось, что это соседи, зашедшие на огонёк и окликающие своих домашних, не обнаружив никого, молча ушли. Лишь тишина, нарушаемая скрипом старого паркета под невидимыми шагами, и необъяснимая пустота, словно дом затаил дыхание, ожидая чего-то. Призрачный шорох, словно дыхание ночи, и странный, приглушённый стук, будто огромная, хищная кошка крадётсЯ из угла в угол в неутолимой жажде, долетали до слуха.

Спустившись на первый этаж, Анна замерла, поражённая неожиданным гостем. У самых её ног, приподнявшись на задних лапках, стоял бельчонок. Его коготки тихонько цокали по паркету, а из горла вырывался необычный, почти жалобный писк. Анна, забыв обо всём, решила проводить лесного зверька обратно домой, но поймать его оказалось задачей

не из лёгких. После трёх головокружительных кругов вокруг дома, её внимание привлекло странное поведение бельчонка. В его движениях читалась не столько испуг, сколько отчаянный голод. Мысль о том, чем бы накормить маленькое существо, прочно завладела её сердцем.

— Ну и что же мне с тобой делать, а самое главное, чем накормить? — спросила она своего нового друга и удивилась тому, что пытается говорить с диким животным.

— Хотелось бы берёзового сока, Анна! — пропищал он.

— Сейчас, мама! — последовал её неосознанный ответ.

Остановившись, Анна поняла, что в комнате происходит что-то странное.

— Сейчас я накормлю тебя, и ты убежишь к себе домой, так? — проговорила она, и глаза её расширились от удивления.

— Конечно, госпожа Анна! — снова прошипел бельчонок, меняясь в облике.

Она посмотрела на него со страхом. Ведь такое увидишь не каждый день, а уж тем более — наяву!

В мгновение ока его глаза округлились, уши и нос приобрели человеческие черты, лапки вытянулись в руки, а туловище стало мужским. Бельчонок превратился в человека, которого она никогда раньше не видела.

— Я слуга господина, который послал меня к вам, просил передать это письмо, — и, сунув руку в карман, чем-то зашуршал.

Через несколько секунд он протянул ей белый лист бумаги, сложенный в несколько раз.

Она стояла как статуя, не в силах вымолвить ни слова. Его же движения были быстрыми, от которых голова кружилась, словно глобус.

— Вот, нашёл кое-что ещё для вас! — проговорил странный спутник и протянул ей небольшой карандаш, похожий на обычную деревянную палочку.

— Какой же это карандаш? — прошептала она, держа в руках лёгкую палочку.

— Ознакомьтесь с этим письмом и дайте ответ господину, он в нетерпении, — пропищал бельчонок, сверкнув глазками. — И поторопитесь, время — золото, и оно очень ценно для меня!

Анна пребывала в оцепенении, разум отказывался складывать происходящее в связную картину. Он возник словно из ниоткуда, и в каждом его слове чувствовалась такая непоколебимая серьёзность, что отрицать её было невозможно. Неверие сковало её, казалось, что это нереальность, дурной сон, и главное — почему именно с ней?

Развернув бумагу, она прочитала следующее:

Госпожа Анна, молю, поспешите! Сердце деревни нашей хранит тихий аквариум на улице Каралиоха ∞. Время — зыбкий песок, не ждите ни мгновения! И.Л.

— Что значит этот непонятный адрес? И вообще, такого адреса нет в нашей деревне, видимо, ваш хозяин что-то пе-

репутал? — проговорила она.

Бельчонок усмехнулся, и тут же мелкая дрожь пронзила его. Снова начались причудливые метаморфозы. Он, то вытягивался вверх, словно юное деревце, то расплывался в воздухе, становясь почти неуловимым призраком, то издавал странные, неземные звуки, похожие на шёпот ветра в пустой трубе...

— Прошу поторопиться, мне нужно доставить ответ как можно скорее, это очень важно! — ответил он миллионами странных голосов, слившихся в один непонятный гул.

Я подняла руку, и карандаш, словно пойманная птица, забился в пальцах. Едва сдержав дрожь, испугавшись непривычной живости, я почувствовала, как грифельный наконечник, словно крохотная искра, обжег кожу. И тут, повинувшись неведомому наитию, он пустился в пляс по бумаге, и перо, словно одержимое, выводило причудливые знаки. Мгновение — и под инициалами И.Л., проступил лаконичный ответ: «Хорошо».

Внезапный луч солнца выхватил из тени лицо моего гостя, и передо мной, как ни в чем не бывало, стоял всё тот же бельчонок, явно довольный произведенным эффектом. Он немного помедлил, затем кивнул в сторону двери, давая понять, что мне пора следовать за ним.

Словно пущенная стрела, он сорвался с места, оставив меня глотать пыль его стремительного бега. Отбросив скромность, я бросилась следом, как дитя, заморожённое пляской

ускользающего мячика. Вскоре мы оказались у скромного земляного холмика, едва различимого в зелёной траве луга — тайны, прикрытой пологом обыденности.

Горка, возвышавшаяся над ровной травой всего на три с четвертью локтя, напоминала скорее муравейник, чем вход в жилище. Крошечная дверь и окошко, каждое не выше локтя, никак не вязались с образом таинственного места, описанного в письме И.Л.

Отсутствие ручки на этой миниатюрной дверце, словно приговор, развеяло последнюю дымку надежды на таящиеся за ней чудеса.

— И как же мне теперь попасть внутрь? Тут ведь и ручки-то нет, — пробормотала я вслух, с недоумением глядя на бельчонка.

В ответ зверёк лишь указал лапкой на дверь, сам же остался стоять поодаль, словно не решаясь войти первым или просто уступая дорогу.

— Неужели ты оставишь меня одну? — с мольбой во взгляде, прошептала я, глядя на бельчонка.

— Не бойтесь, госпожа, вас ждут уже довольно давно! — прозвучал неожиданный ответ, и бельчонок, стремительно развернувшись, скрылся в луговой траве.

Собрав волю в кулак, с горьким привкусом страха на языке, я распахнула дверь, словно бросилась в ледяную воду.

Открывшееся зрелище поразило воображение. Комнатка оказалась такой крошечной, что скорее напоминала но-

ру крота. Крошечные окошки пропускали скупой солнечный свет, а огромная, несоразмерная помещению люстра с множеством маленьких свечей излучала мягкое, волшебное сияние, похожее на россыпь светлячков. Золочёные часы с кукушкой, бежевые стены и картины, украшавшие их, создавали атмосферу уюта и таинственности. Чувствовалось, что над созданием данной комнатки трудилась утончённая и невероятно внимательная к деталям натура. Не смотря на скромный выбор предметов и красок, гармоничное сочетание тонов и сдержанная меблировка наполняли это странное место особенной атмосферой.

Особенно выделялось полотно с изображением рыцаря на чёрном коне. Казалось, он живой, а его взгляд был устремлён прямо на меня. Внезапно всадник словно узнал меня, соскочил с коня и склонился в глубоком поклоне, как в старинных преданиях. От изумления я перестала моргать, успев лишь пролепетать, что в этом нет необходимости.

— Должно быть, вы меня с кем-то спутали! — ответила я, ощущая, как багровый румянец полыхает на щеках, словно выдавая с головой перед этим невозмутимым рыцарем.

Прошло ещё несколько томительных мгновений, и всадник уже восседал на коне, как будто и не покидал седла.

И тогда я задалась вопросом: что вообще происходит? Почему ко мне обращаются на «вы» и оказывают такие почести, словно я особа королевских кровей?

Пока я зачарованно блуждала взглядом по диковинному

убранству комнаты, слух мой уловил издалека приглушённый рокот, будто где-то низвергался невидимый водопад. Неужели это лишь игра воображения? Забыв об осмотре, я замерла, настороженно прислушиваясь, пытаюсь уловить ускользающие отзвуки стихии.

— Какой аквариум, а тем более водопад... в этой тесной клетушке? — вырвалось у меня почти беззвучно.

Несмотря на тесноту, мне все же удалось оглядеться, хотя и с некоторым трудом. Сделав несколько робких шагов на манящий звук, предвкушая за резной дверью обещанный аквариум, я натолкнулась на миниатюрный хрустальный умывальник. Из его широкого крана, словно бросая вызов гравитации, медленно струилась вода... вверх! Лучи света, робко пробиравшиеся сквозь витражное оконце и отражавшиеся от граней старинной люстры, рассыпались мириадами искр на восходящих струях, создавая иллюзию волшебного танца. Казалось, вода, повинаясь незримой музыке, исполняла свой весенний ритуал. Заворожённая этим дивным зрелищем, я уже готова была, пританцовывая, устремиться на поиски аквариума, но внезапно опомнилась, привлечённая странностью крана, и замерла в нерешительности.

Как и следовало ожидать, никакого аквариума или даже намёка на водопад не было. Сделав шаг в сторону двери, я случайно заметила под комодом, на котором стоял умывальник, узкую щель.

— Какое интересное предназначение у этой щели, да ещё

и под комодом! — подумала я.

Из-под умывальника повеяло свежим ветерком, и несколько прохладных капель коснулись моей руки. Я тут же нагнулась, чтобы заглянуть в щель.

Отверстие оказалось настолько узким, что рассмотреть что-либо не представлялось возможным. Ветер, дувший из-под умывальника, приятно освежал кожу. Брызг почти не было, но в воздухе ощущался тонкий аромат свежести. После долгих и бесплодных усилий сдвинуть упрямый комод с места, я, не заметив коварных ручек по бокам, со всего размаха ударилась лбом об одну из них. Неизвестно, сколько времени пролежала бы я на полу, но, наконец, сквозь пелену боли и головокружения, мне удалось открыть глаза.

Веки были тяжёлыми, в голове пульсировала боль, а огромная шишка, вскочившая на лбу, настойчиво напоминала о том, что я снова делаю то, о чём меня никто не просил!

— А бельчонок? Конверт? Аквариум?! Как же всё это?! — забыв на миг о пульсирующей боли, словно отгоняя навязание, хлопнула себя ладонью по злополучной шишке ещё раз.

Наверняка каждому человеку знакомо это неприятное ощущение, когда бывает невыносимо больно!

Я снова потянулась к щели. Но, как ни странно, её больше не было. Словно испугавшись моего любопытства, она исчезла. А ведь совсем недавно оттуда дул ветерок и разлетались брызги воды?

— А что, если, пока я была во власти беспамятства, здесь кто-то побывал? — эта мысль, словно ледяной осколок, кольнула сознание.

Но рядом никого не было. Ни единого признака чьего-либо присутствия во время моего кратковременного сна. Бельчонок, по-видимому, не решился войти, а может, ему и во все не нужно было здесь находиться! Никто не откликался на мои призывы, и я решила покинуть это странное, хотя и красивое помещение.

Направляясь к двери, я заметила два оранжевых абажура, стоявших возле стола, накрытого белоснежной скатертью. На столе было пусто, но меня не покидало ощущение, что кто-то успел здесь побывать. В абажурах горел свет, несмотря на светлое время суток. И тогда мне пришла мысль о том, что, возможно, незваные гости все же побывали в этой комнатухе, пока я была в забытьи.

«Но кто они были и чего хотели? Скорее всего, это останется загадкой, ведь вряд ли кто-нибудь мне расскажет об этом!» — подумала я про себя, и желание потянуться ко лбу снова овладело мной.

Я вспомнила, чего мне это стоило в предыдущий раз, и остановилась. Лёгкая улыбка тронула мои губы...

— И всё же не стоит дважды совершать одно и то же действие, причиняющее тебе боль! — подумала я, невольно произнеся это вслух.

Я подошла к двери со спокойным сердцем. Возможно, и

были подозрения и опасения, что кто-то разузнал о письме и моем визите сюда, но, поскольку никого не оказалось, я решила об этом не думать. Моменты, что были указаны в письме, мной были выполнены!

Всё, что произошло некоторое время назад, казалось странным, и на этот раз дверь отворилась сама, прежде чем я успела об этом подумать. Через мгновение яркий солнечный свет ослепил меня, и я оказалась снаружи.

Мне стало легче дышать, чем в норе, где я чувствовала себя словно в оковах, где какое — то время назад произошло столько странных событий, от которых до сих пор болела голова.

Глава

Глава 3.

Раскрывающиеся тайны

На следующий день само пространство словно сошло с ума. Неустойчивая, капризная погода нашла отражение и в здоровье Анны. Растерянность и тихая грусть окутали её, словно серым покрывалом. Этот день не приносил радости, ведь перемены, вторгающиеся в жизнь без разрешения, не всегда несут благо.

Желание укрыться от мира под тёплым одеялом было сильнее упреков родителей и насмешливых взглядов уличной детворы. К тому же, назойливый гул в голове — то ли от вчерашнего удара, то ли от предчувствия грядущих событий — никак не стихал.

— Что же это было вчера? И какое значение это имеет для меня? Незнакомое место, странный бельчонок с его загадочным посланием, полянка. Как всё это связано со мной? — я тонула в ворохе вопросов, терзавших сознание.

Анна чувствовала, что с этого дня её жизнь должна измениться, обрести смысл, открыться дорога, по которой она сможет идти, не оглядываясь в прошлое, не тая обиды. Лежа в постели, она мечтала о чуде необыкновенном, завораживающем... о жизни, где мечта будет путеводной звездой,

освещающей путь даже в самые тёмные времена.

Её мечты рождались из всего необычного, их было бесчисленное множество! Отсюда и возникали вопросы, которые, казалось, не имели ответов.

Но в одном она была уверена: бельчонок ей не привиделся. Она видела его, разговаривала с ним, и это никак не могло быть плодом воображения!

Анна твёрдо верила, что тьма, безусловно существующая на земле, обладает такой же властью, как и свет. Они неразрывно связаны, дополняют друг друга и не могут существовать по отдельности.

«Почему многие так боятся тьмы? Ведь все тайные обряды и ритуалы совершаются ночью!» — спрашивала она себя.

И дело не обязательно в чёрной магии, ведь почему-то о темноте существовало гораздо больше теорий, нежели о свете, и множество противоречивых взглядов сталкивались в этой непримиримой борьбе. Ведь одна из прекраснейших вещей, происходящих ночью, — это сон. Блаженный физиологический процесс, дарующий отдых телу и разуму.

Анна чувствовала, как внутри неё нарастает странная сила, понимая, что она может обернуться против неё самой и, возможно, против её семьи. Всё вокруг казалось странным: неестественно яркий свет звёзд по ночам, капризы природы, мгновенно сменяющие солнечную погоду ураганным ветром, странные голоса в голове. Ей казалось, что по ночам она ходит, а может быть, и летает, но не во сне, а наяву.

— У кого же узнать, что со мной происходит? Нет ни единой души, у которой я могла бы спросить о бельчонке! Ведь мне не привиделось это? — в сотый раз вопрошала она.

— Нет, не привиделось. Вы совершенно здоровы! — раздался знакомый голос.

Анна обернулась и увидела того самого бельчонка, который что-то рисовал на своей лапке.

— Я ваш друг и преданный слуга хозяина, его почтальон. Он просит меня быть очень шустрым и проворным. Меня зовут Марк, госпожа Анна! — проговорил он, словно заикаясь.

В этот момент маленький бельчонок вытянулся до огромных размеров. Двадцать сантиметров его роста превратились за пару секунд в мужчину крепкого и высокого.

От изумления Анна открыла рот. Его преобразование потрясло её. Она смотрела на него как заворожённая, а он смеялся и искал в ней ту самую маленькую девочку, которая увидела настоящее чудо. И это было так!

— Невероятно! Как ты здесь оказался? — выдохнула она, медленно подаваясь назад, словно перед ней возникло нечто нереальное.

— Сквозь окошко. Ростом я невелик, Ваше Величество, и проворен настолько, что могу и в щель проскользнуть. Хотите, продемонстрирую? — пропищал он, готовый тут же доказать свои слова делом.

— Нет, благодарю, на сегодня и этого волшебства с меня

довольно! — улыбнулась Анна, в глазах её плясали искры.

Марк засмеялся как настоящий человек, и ей стало немного спокойнее. Ведь не каждый день встретишь бельчонка почти двухметрового роста.

— «Почтальон хозяина»... и что это значит? — с любопытством переспросила она, приподняв бровь в лёгком недоумении.

Казалось, вопрос потонул в пустоте, Марк не отреагировал, лишь отвернулся, устремив взгляд в тёмный угол. В его молчании читалась не просьба, скорее мольба о поддержке, обращённая к невидимому хозяину, словно там, в тени, таилось его спасение.

— Говори же! Что вчера случилось? Я ведь никого не нашла в той комнате. Ждала, как ребёнок, но ко мне никто не вышел, и даже не отозвались! Да ещё и ушиблась. Как такое возможно? — выпалила Анна с нетерпением.

— За нами следили, и мой хозяин решил отложить встречу с вами, так как это могло быть опасным для вас! — ответил бельчонок и опустил глаза, будто чего-то стыдился.

— Следили?! — воскликнула Анна, в голосе её звучало недоверие, переходящее в испуг. — Но вокруг ни единой души, ни тени, способной к наблюдению! Да и как вы могли узнать об этом, если вас и вовсе не было рядом?

Вопросы градом посыпались с её губ, засыпая бельчонка, словно осенняя листва. Он, казалось, даже не чувствовал их тяжести, привыкнув к этому непрерывному потоку.

В тот момент Анна вспомнила про абажуры и свет, исходивший от них. Она решила промолчать, ведь не знала, кем является её новый друг и что он из себя представляет.

— Всему своё время, госпожа, не торопите события! — ответил он так же спокойно, как и все предыдущие разы.

Ещё несколько минут, и Марк, словно призрак, растворился в воздухе, исчезнув так же внезапно, как и возник. В очередной раз он продемонстрировал свою непредсказуемость, оставив после себя зыбкое ощущение покоя. Тревога, до этого сжимавшая сердце ледяными тисками, отступила, уступив место тихой надежде.

На следующий день Анна проснулась очень рано. Мысли крутились со скоростью света, сердце колотилось, словно безумное чудовище, пытающееся вырваться наружу.

Солнце, щедро изливая свой необыкновенный свет, наполнило дом со стороны востока огромной энергией и теплом. Анна спешила на занятия в прекрасном настроении и с желанием браться за все идеи, которые придут в этот день в голову.

В тот дивный весенний день, после школьных занятий, Анна шла домой. Подойдя к калитке, она обернулась, замороженная ликующим хором птичьих голосов, словно сотканным из солнечных лучей и свежего ветра.

Славную колыбельную распевали птицы, гнездившиеся рядом с домом. Их трели были мёдом на устах пернатых, ведь красотой этой музыки замороженно внимали соседи,

также удивлённые лёгкой мелодией этих дивных созданий. Ещё некоторое время все слушали их трепетное пение и не могли понять, что это были за птицы, ведь такой музыке позавидовал бы любой композитор.

Недалеко, на кусте акации, сидела птичка необычного окраса. Как Анна узнала из рассказа соседа, это была иволга. Именно она бросила в сердца каждого, кто слышал её песню, семя надежды и веры. Птица, в жёлтом оперении, сидела на ветке, напевая свою песню не для того, чтобы радовать, а для того, чтобы предупредить своих сородичей об опасности, которой они подверглись. И действительно, неподалёку, у забора, за ними наблюдали кошки — хищницы, притаившиеся и ждущие какой-либо их ошибки. Но птицы, словно сговорившись с ветром, плели свои собственные планы, во все не желая становиться пушистым завтраком.

Допев свои трели, они быстро вспорхнули и исчезли, оставив после себя необычные ноты для сотворения великой песни.

После такого пения птиц день Анны словно вспыхнул заново, как лампочка в темноте. Не потому, что для этого нужен был повод, а потому, что человек должен быть весел, даже если ему предстоит пройти путь, который не будет его совершенствовать и возвышать. Возможно, это касалось и Анны, ведь на тот момент она не знала, что её ждёт впереди и как сложится жизнь.

У каждого — свой путь ввысь, своя вершина. Кому-то

нравится рутинная работа, для кого-то пристанищем станет семья, а для кого-то — власть во всех её проявлениях. Но в любом случае человек пройдёт свой путь. Ничего нельзя изменить, если нет веры в то, что сможешь.

— Многих великих людей жизнь сбивала с ног, но они, преодолевая боль, продолжали сражаться, стоя на коленях, и всё равно одерживали победу! — бросил мне как-то прохожий по пути в булочную.

И, признаться, его слова заставили меня задуматься. Скорее всего, этот человек прошёл не одну битву внутри себя, одолел немало внешних и внутренних врагов, и его совет пришёлся как нельзя кстати. Мучительная головная боль отступила, и если шишка и осталась, то теперь она мерещилась лишь призрачным, бледно-голубым отблеском, словно воспоминание о былой боли, растворяющемся во времени.

Я ничего не сказала родителям, да они и не спросили. До сих пор дивлюсь, как их не встревожил этот неземной, лазурный отсвет, застывший у меня на лбу. Отец подолгу, с хитрым прищуром вглядывался в лицо, словно решаясь на что-то, но вопрос так и не сорвался с его уст, а я хранила молчание. Словно замороженные, мы утонули в тишине и покое, и в этой безмятежности было нечто прекрасное.

Улица купалась в мягком весеннем тепле и свете. Нахлынувшие воспоминания были так сладостны, что я вновь оказалась возле дома, к которому поклялась не приближаться. Мои мысли, словно непослушные птицы, вновь вернули ме-

ня в реальность.

Я резко развернулась, в отчаянной попытке бежать, но тело предательски отказалось повиноваться. Голова налилась свинцовой тяжестью, виски сдавливала пульсирующая боль. Опустившись на бордюр у обочины, я заметила, как ко мне, словно мираж, приближается женщина. В её взгляде читалось сочувствие и готовность предложить помощь. Собрав последние силы, я вежливо отказалась, сославшись на капризы погоды и пресловутый подростковый возраст. И действительно, погода начала меняться, как только я приблизилась к дому Лиона. Ветер крепчал, и над головой медленно собирались тяжелые тучи. Мои мысли то замирали, то вихрем носились в голове. Подняв глаза, я ощутила необъяснимую тревогу, подсказывавшую, что рядом находится что-то родное.

И вот, я снова стояла перед красивым, но обветшалым домом. Пронизывающий ледяной ветер дул со стороны леса, раскинувшегося неподалёку от нашей деревни. Редкие облака превратились в зловещую завесу, грозящую разразиться дождём. В глазах появился туман, который мне совсем не нравился. Странное состояние полностью выбило меня из сил, так что даже встать было мучительно трудно.

Остаться на месте было невозможно. Начал накрапывать дождь, а тучи, затянувшие всё небо свинцовым одеялом, казались враждебно настроенными. Собрав последние силы, я сделала шаг вперёд и, заметив впереди мужской си-

луэт, поспешила отойти, чтобы не вызвать подозрений. Веки слипались от желания отдохнуть, и, сделав над собой усилие, я отошла от мужчины всего на несколько шагов.

Обернувшись через мгновение, я не увидела его рядом, но чувствовала его присутствие, и это меня пугало. Я боялась, что если он знает моих родителей, то непременно расскажет им о том, что видел меня возле этого обветшавшего дома, а мне этого совсем не хотелось.

— Вы заблудились? — раздался внезапный вопрос прямо передо мной, словно этот человек вырос из-под земли.

— Нет! — резко ответила я, и щёки мои вспыхнули румянцем.

— Тогда почему вы так пристально осматриваетесь, будто сбились с пути? — его настойчивые вопросы звучали как раскаты грома.

От его голоса я немного пришла в себя. Мне казалось, что я знакома с этим человеком и где-то слышала его речь. Но посмотреть ему в глаза я не решалась, боясь выдать себя.

— А вы кто такой и что вам от меня нужно? — спросила я, рисуя ногой по пыли.

— Мне ничего от вас не нужно, я лишь предлагаю свою помощь, только и всего! — ответил он.

— Вот и отлично! — выпалила я и пустилась наутёк, чувствуя, как спину прожигает долгий изучающий взгляд незнакомца.

Я обернулась и увидела, что незнакомец настолько дале-

ко, что он казался маленькой точкой. И только мне захотелось вздохнуть с облегчением и немного передохнуть, как вдруг почувствовала, что снова стою возле дома Лиона. Этот странный дом, в котором, по словам жителей нашей деревни Миххау, когда-то происходили необъяснимые вещи, притягивал меня своей энергией, и мне было очень интересно узнать, что же в нём было такого таинственного, чего никто не знал?!

Глава

Глава 4.

Предчувствие успеха

В стенах этого дома, помнивших смех и детские голоса, разыгралась трагедия, в одночасье отнявшая у супругов дочерей. Скорбь, непроглядная и всепоглощающая, выжгла из их сердец свет надежды, оставив лишь зияющую пустоту, для кого-то ставшую бездной.

— Два ангела, словно сотканые из лунного света и утренней дымки, были прекрасны в своей неземной неповторимости! Их лики, словно отпечатки звёзд на воде, врезались в память надолго. Разве можно забыть этих чудесных, нездешних созданий? — говорил старик Ролин, старейший житель нашей деревни, вспоминая дочерей семьи Лиона.

Его голос, словно шёпот вечности, доносил эхо той красоты, что однажды озарила их тихий край.

Мужчина изжил свою скорбь по детям и, словно тень, растворился в неизвестности. Шептались, что он бежал в спешке, спасаясь не то от гнева тёмных сил, не то от невыносимого одиночества. Злые языки утверждали, будто нечисть вилась над его домом, будто это были его собственные демоны, терзающие душу. С того дня никто не видел хозяина этого дома, и никто не знал, постигла ли его участь, о которой с

таким злорадством судачили сплетники.

Его прислуга словно испарилась, растворившись в воздухе без следа. Никто не видел, как они покидали поместье. Старики, чудом дожившие до наших дней, клялись, что сутками следили за домом, надеясь разгадать эту зловещую тайну, но так и не нашли ответа.

— Помню, целыми днями просиживали мы с дружкой на их заборе, словно воробы, — бормотал старик, запинаясь и трясая головой, будто отгоняя наваждение. — Наблюдали за жизнью семейства Лион. Но ни разу, слышите, ни разу не видели, чтобы хоть одна душа из прислуги порог переступила!

Анна чувствовала необъяснимую магию этого дома, его притягательный уют, словно сотканный из грёз, его неповторимое очарование. И сердцем откликалась на боль тех, кто оставил здесь частицу души.

— Людская молва, Анна, — змеиный яд, — шептала мне Утата, уборщица нашей школы, чьи глаза хранили печаль многих поколений. — Не ведаем мы порой, какой клинок таится в слове, как проклятием можно душу искалечить!

— То есть, можно одним лишь шёпотом за спиной, одним гневливым словом отравить человеку жизнь? — с изумлением вопрошала я, чувствуя, как холодок пробегает по коже.

— Да ты что, Анка! Конечно! Хуже всего, когда бьют исподтишка! Когда от тебя ждут поддержки, а ты в ответ льёшь грязь! Вот где настоящее зло! — отвечала Утата.

— Ну как же так, получается, если я плохо думаю о роди-

телях, то им от моих слов становится больно или плохо?! — спросила я снова.

— В каком-то роде да, но это происходит несколько иначе, Анка. Тебе нужно ещё немного повзрослеть, и ты поймёшь, о чём я говорю! — проговорила женщина.

Анна задумалась. Она совсем запуталась в странностях взрослой жизни, где все недоговаривают или предают. Подросток переживал сложный период, когда нужно принять множество трудных решений.

После всех тех событий дом опустел. Стены и крыша остались невредимы, а плющ, густо оплетавший их, надолго скрыл дом от посторонних глаз. Все эти годы мой путь в школу пролегал мимо этого дома. И пока все жители деревни Миххау обходили его стороной, я всегда с любопытством заглядывала сквозь щели, надеясь увидеть хоть что-нибудь в густых зарослях.

А ведь когда-то говорили, что дом этот был полон радости и смеха, как хозяев, так и их гостей. Лион всегда принимал бесконечное количество гостей и пользовался уважением как у жителей окрестных городов, так и у тех, с кем он встречался во время отдыха или по работе в других странах.

Лион боготворил свою жену, и мысль о разлуке с ней была невыносима, даже несмотря на то, что годы шли, а наследник всё не появлялся. Он оберегал её как драгоценность, словно королеву, купая в роскоши, которую позволяло его огромное состояние: от блистательных ювелирных украше-

ний, способных ослепить одним своим видом, до изысканных, редчайших духов, за которыми, казалось, приходилось снаряжать чуть ли не экспедицию во Францию! Он готов был на всё, лишь бы увидеть улыбку на её прекрасном лице.

Господин Лион был наделён редким даром — музыкальностью, пронизывавшей его существо. Этот дар питал его страсть: он сам творил мелодии, а старый рояль, унаследованный от прадеда, становился голосом его души. В доме Лиона звучала музыка, собирая всех, кто жаждал прикоснуться к своей мечте. Старожилы говорили о нём с придыханием: «Талант! Он настоящий талант!».

Лион связал себя узами брака поздно, в сорок лет, избрав в спутницы жизни двадцатисемилетнюю девушку. Он, словно изваянный античным скульптором, — статный, плечистый, с прямым носом и крепким телосложением — являл собой образец мужской красоты. Анастасия Орлова же не ослепляла красотой, но пленила редким обаянием и изысканностью манер. В ней чувствовалась аристократическая натура и нескрываемая гордость за свои корни. Хрупкая, большеглазая, с милым вздернутым носиком и густыми, цвета воронова крыла, волосами, она казалась воплощением неземной нежности.

Один из почивших ныне соседей, работая садовником в их поместье, вспоминал, как видел её во дворе:

— Ангел, — говаривал старик, — с кудрями чернее самой ночи и кожей белее первого снега.

За спиной у четы шептались несостоявшиеся соседи, плетя паутину небылиц. Слуги же, напротив, души не чаяли в господах, пресекая на корню любые сплетни, оберегая слух Лиона от пересудов. Впрочем, он и сам был осведомлён о недобрых языках и тщательно отмерял тепло своего дома, допуская к рабочим делам и планам на будущее лишь избранных. Завистников и недоброжелателей хватало с избытком. Что же до родных, кроме дядюшки, бесследно исчезнувшего после смерти своего брата, которого Лион с мучительной неохотой ненавидел, — о них и вспоминать не хотелось.

Я стояла, заморожённая, под прицелом украдкой брошенных взглядов, и не могла отвести глаз от дома. Небо, исцелованное дождём, медленно расцветало лазурью. Тучи, словно призрачные киты, сонно дрейфовали к горизонту, унося с собой последние тени тьмы, уступая место светлой весенней неге.

В тот день любопытство владело мной безраздельно. Ещё раз окинув взглядом таинственный фасад, я вновь прильнула к щели между зелёными зарослями плюща. Увиденное чудо пронзило меня, как внезапный удар молнии.

Во дворе, напротив увитой плющом веранды, замер старый, давно забытый фонтан. Но сейчас, омытый лучами солнца, он словно оживал, его молчаливая игра казалась колдовством. Казалось, время повернулось вспять, и в этот старый дом вновь вернулась ускользнувшая жизнь...

Фонтан, казалось, навеки уснувший, вдруг пробудился, рассыпав во дворе калейдоскоп радужных брызг. В солнечных лучах струи искрились и переливались, вычерчивая в воздухе мимолетные неземные узоры. Все заботы и тревоги отступили, словно их и не было никогда. О делах не могло быть и речи — эта феерия красок и света уносила в иную реальность. Вдоль старого забора, словно вторя чуду, распустились розы. Нежные бутоны источали пьянящий аромат, который нестерпимо хотелось вдохнуть полной грудью. И я знала, всем сердцем чувствовала — это не сон.

Внезапно, словно молния, пронзила память о бельчонке! Сомнения отступили, уступая место трепетному предчувствию: такие совпадения не случайны!

— Но как могли розы зацвести, а фонтан ожить? Ведь дом давно заброшен... — этот вопрос терзал сознание, не находя ответа.

Я отпрянула от забора, будто меня хлестнуло невидимой силой, и уже собиралась бежать, когда моё имя, словно сорвавшийся с цепи зверь, прорычало в тишине. Эхо разнесло его над крышами деревни, заставив меня замереть. Я обернулась, сердце колотилось в груди, словно пойманная птица. Вокруг ни души. Лишь пустая улица, купающаяся в солнечном свете, и шёпот ветра в ветвях старой яблони неподалеку. Я снова огляделась, убеждаясь в своём одиночестве.

Лишь вдалеке виднелась группа играющих детей, свора собак, девушка с кучей тетрадей в руках и несколько муж-

чин, о чём-то оживлённо спорящих. Но никого, кто мог бы позвать меня по имени, я не заметила. Ощущение, что я уже видела это раньше, вдруг охватило меня, мир поплыл перед глазами, и я ощутила, как земля уходит из-под ног.

Очнулась я дома, в своей кровати. Передо мной стояли родители с лицами, выражающими явное недовольство. Я подняла руки, посмотреть на онемевшие пальцы, и заметила, как они побледнели, видимо, как и моё лицо. В голове крутилась карусель мыслей.

Первым вспыхнуло в памяти видение дома, фонтана, утопающего в розах. Я уже начала сомневаться, не был ли это лишь сон, но тут же, словно якорь, возвращающий в реальность, возник образ бельчонка. Молчание, тянувшееся, казалось, целую вечность, прервал голос отца, вырвавший меня из оцепенения.

— Что ты делала у дома Лиона? — спросил он, не скрывая своего болезненного интереса к этому месту и моему присутствию рядом с домом.

— Ничего. Я шла в школу, а очнулась здесь. А что случилось? — пробормотала я невнятно.

Родители обменялись взглядами, и шёпот их снова заструился, но слова, словно призраки, растворялись в гуле, поднявшемся у меня в голове. Как странно: обычно их голоса звенели кристальной ясностью, когда обращались ко мне, а сейчас будто уши наполнились вязкостью, заглушающей мир.

— Это ты нам Расскажи, что да как! — настойчиво повторил отец, прожигая меня взглядом.

«Что дурного в том, чтобы засмотреться на дом, понравившийся мне? Никто же не пострадал!» — отчаянно металось в голове оправдание.

— Я шла в школу, как обычно, мимо того дома. А едва сделала несколько шагов, как меня окликнули по имени. Когда я обернулась — вокруг не было ни души, ни единого знакомого лица... и тут словно пустота, и вот теперь я очнулась! — выпалила Анна сбивчиво, пытаюсь хоть как-то связать обрывки воспоминаний в цельную картину.

Родители снова обменялись взглядами, словно передавая друг другу эстафету невысказанных слов. Неловкая тишина сдавила комнату, и мне стало трудно дышать — воздух словно загустел. Внутри меня пробуждался вулкан, клокая праведной яростью. Лицо горело, словно опалённое пламенем, и слова родителей долетали до меня обрывками, теряя чёткость в этом внутреннем пожаре. К моему удивлению, ругать меня больше не стали. Они, погрузившись в безмолвный спор, жестами и полутонами выражая несогласие, и, заметив моё сонное лицо, поспешили выйти в коридор, унося с собой клубок неразрешенных противоречий, чтобы продолжить свой беззвучный диалог, не нарушая зыбкую тишину моего сна.

«Что же такого я должна услышать?» — этот вопрос эхом отозвался в моей голове.

Резко вскочив, словно от толчка, я заплетающими шагами добралась до своего столика и, остановившись словно вкопанная, закрыла глаза. Я снова услышала своё имя, словно шёпот ветра в пустой комнате. Решив, что это проделки отца, я промолчала, закусив губу, но мгновение спустя голос повторился настойчивее и ближе.

— Что же это происходит! — не выдержала я, и мой голос дрогнул.

Сделав шаг к двери, я словно во сне спустилась в зал, на первый этаж. Наш дом, хоть и невелик, уютно раскинулся в два этажа: четыре комнатки-скорлупки, просторный зал, кухня, ванная комната, как две капли воды похожие друг на друга, подвал, хранящий запахи сырой плесени, и просторная библиотека, где жили тени старых историй.

Опустив ногу на последнюю ступеньку, я невольно подслушала обрывки разговора родителей. Они шептались о каком-то чуде, опалившем их жизни почти дотла, и о том, что это необходимо прекратить, пока не стало слишком поздно. Их слова, словно осколки, ранили тишину дома.

— Вот видишь, я ведь предупреждал! — сказал отец приказным тоном.

Мама хотела что-то сказать, но отец прервал её своим ответом:

— А что, если бы она пропала или исчезла? И всё же вечером нужно поблагодарить Посла за его милость. Ведь кто-нибудь мог её заметить, особенно...!

— Хорошо, я всё поняла. Вечером будем разбираться! Кандидатов на наше место — не счесть. Нужно быть готовыми ко всему, особенно к тому, что Анна уже не маленькая, и запретить ей ходить той дорогой мы не можем. Она умный подросток, возможно, и догадывается обо всём и тогда всё пойдёт не так, как нужно! — с досадой произнесла мать.

Отец странно закатил глаза, и стул жалобно скрипнул, когда он с трудом оторвал от него налитое свинцом тело.словно некая невидимая сила тянула его куда-то, словно дыхание чужого присутствия опалило спину. Ему почудилось, что их подслушивают, что паутина чужих взглядов обволакивает комнату. Он, не говоря ни слова, лишь нервно кивнув, подал знак матери, и они, словно заговорщики, выглянули в коридор.

— Мне кажется, за нами кто-то наблюдает! — прошептал Герман, и тень страха пробежала по его лицу, искажая черты.

Мысль о том, что их тайна может быть раскрыта после того злополучного случая с Анной у дома Лиона, терзала его. Мужчину душила эта неопределенность, это ощущение загнанности. Лицо его менялось, как пейзаж перед надвигающейся бурей — от тревожного смятения к звериной злобе, пока Сания, встревоженная его выражением лица, не одернула его, вернув в реальность.

— Да что с тобой такое!? Анна у себя, я смотрела. Больше нам некого опасаться. Наш дом под защитой, ты сам ставил её в тот день, когда мы переехали сюда, помнишь? — с на-

деждой спросила женщина.

Герман чувствовал, что поступил верно, и мгла сомнений медленно рассеивалась в его сознании. Он осознавал, что страх способен погубить его жизнь, и, дабы не навлечь беду, поклялся обуздать свою ярость.

Но мои родители глубоко заблуждались, ведь рядом была я, невидимым свидетелем. Словно очнувшись от кошмара, я быстрыми шагами удалилась из коридора, подхваченная вихрем внезапного озарения и ужаса. В комнате Саня увидела меня «спящей»... но как такое могло произойти, эта тайна ещё будет раскрыта!

Глава

Глава 5.

Странная обитель

— Что за невообразимое творится вокруг?! Кого они так страшатся, перед кем пресмыкаются в немом ужасе? И почему дом Лионов, всеми забытый и брошенный, внушает им столь животный страх? — мысли вихрем носились на моём языке, словно осенние листья, гонимые безжалостным ветром.

Шелест шагов угас, и воцарилась зловещая тишина. Ни единого звука, ни робкого щебета птиц, ни сварливого перешёптывания старушек, ни звонкого детского смеха, лишь давящая, всепоглощающая тишина, словно саван, наброшенный на мир.

Возможность спуститься на первый этаж и узнать, сделали ли родители хоть шаг навстречу примирению или продолжают хранить угрюмое молчание, дуясь друг на друга, так и не представилась.

Время тянулось мучительно медленно, словно пружина, а звать меня так никто не спешил. Мысль о том, что я теряю рассудок, пугала до дрожи, но нежный образ бельчонка, ютившегося в уютном дупле старого дерева, возможно, вспоминающего также меня, на миг возвращал утраченное

душевное равновесие.

«Чей это голос? Кому он принадлежит? Что здесь происходит? И почему все вокруг словно одержимы злобой и подозрительностью?» — терзалась я, словно птица, попавшая в сети.

В самой глубине души, словно ядовитый цветок, расцвело отчаянное стремление к немедленным ответам, иначе безумие представлялось единственным избавлением. Ведь влачить существование в одиночестве, терзаясь неопределенностью, стало невыносимой пыткой.

Весна вступила в свои права, разливая тепло, словно золотой нектар, над миром. Незримая стая птиц кружила в небе, а лёгкий ветерок, словно шёлковый платок, ласкал щёки. Дышать становилось легче, и я ощущала некое единство с природой, пробуждающейся от зимней дрёмы с неукротимой силой.

Но события последних дней отравляли всё вокруг, не даря ни капли покоя. Сама жизнь требовала перемен, словно это было крайне необходимо. От малейшего чужого звука по коже пробегали мурашки, а навязчивое желание пройти мимо дома Лионов въелось в моё сознание, словно Прометей, навечно прикованный к скале мучительных воспоминаний. Лишь осознание скорой возможности исполнения этого желания приносило мне слабое утешение.

Пройти мимо дома можно бесчисленное количество раз, но проникнуть внутрь — задача, казавшаяся почти невыпол-

нимой.

Тот день выдался мучительно тоскливым. Солнце, словно безжалостный палач, палило нещадно, а от воскресной суеты веяло невыносимым безразличием. В голове билась неуголимая жажда прикоснуться к событиям, способным подарить глоток свежего воздуха.

Неуверенно ступив на первую ступеньку, я присела рядом с небольшим муравейником, где крошечные труженики, словно отважные войны, сражались за крохи хлеба. Дыхание сбивалось, мысли, словно острые осколки стекла, терзали и кололи изнутри, оставляя кровоточащие раны. Сердце бешено колотилось, пытаюсь вырваться наружу. В этот момент из дома вышла мама и пригласила к столу. Я вскочила так резко, отчего на её лице промелькнула тень изумления.

— За всё новое приходится платить утратой! — твердила Сания, словно пророчество.

Казалось, расплата коснётся самого дорогого — родных. Предчувствие висело в воздухе тяжёлым свинцом, и неотвратимость надвигалась, словно грозовая туча.

Мы вошли в дом, окутанный плотным облаком сандала и запахом солнечных апельсинов. Каждый занял своё место в негласном ритуале: отец — лицом к восходящему солнцу, мама — справа, словно его отражение, я — слева, тенью. Тишина за столом давила своей непривычной густотой. Обед, казалось, застыл во времени. Такого безмолвия наши стены ещё не знали. Обычно отцовские истории рассыпались

искрами смеха, мама подхватывала их, и обед превращался в маленький праздник. Сейчас же — ни звука, ни вопроса, лишь оглушающее молчание.

— Анна, подай соль, — голос матери прозвучал неожиданно, словно далекое эхо.

Каждое слово отдавалось гулкой пустотой. Время утекало сквозь пальцы, как зыбучий песок.

«Почему они молчат? Почему только двенадцать часов?» — лихорадочно билось в голове.

Ровно в полдень старые часы пробили свой усталый перезвон. Я подняла глаза, и смутное предчувствие оформилось в леденящее душу понимание: мой разум, словно сорвавшийся с цепи зверь, снова бежит впереди событий, позволяя видеть будущее в мимолетных осколках. Лёгкий весенний ветер бесцеремонно ворвался в распахнутое окно. Зашумел старый потолочный вентилятор, давно требовавший ремонта, занавеска, коснувшись щеки холодным шёлком, снова прошептала моё имя. Я встретила взглядом с родителями. В их умиротворенных лицах, жующих в задумчивом молчании, читалась отрешенность. Голос в моей голове становился все громче и настойчивей.

«Если я не попаду в этот дом, я сойду с ума...» Эта мысль билась в голове настойчиво, как лихорадочный пульс.

— Анна, ты вообще меня слышишь?! — голос матери прорезал тишину, полный раздражения и... чего-то ещё, неуловимого и пугающего.

Я подняла глаза, и мой аппетит тут же улетучился, словно его и не было и я нехотя протянула ей солонку.

Голос... Этот голос манил, он был важнее всего на свете, словно зов далёкой звезды. Неодолимо влекло уйти прочь из дома, где воздух с каждым днём становился всё тяжелее и давящим.

Проглотив наспех обед, я быстрыми движениями прибралась и, выпросив у отца разрешение отлучиться под предлогом школьных занятий (хотя сейчас все мои мысли были далеко от учёбы в выходной день), принялась собираться.

Руки мелькали с немыслимой скоростью, словно их стало вдвое больше, с каждой стороны по паре. В мгновение ока всё было готово. Кажется, эти дополнительные руки — лишь плод моего разгоряченного воображения, но нет, они действительно были, только родители их почему-то не видели. Я чувствовала себя рождённой с этими невидимыми помощниками, и они нисколько не тяготили меня. Сейчас, в предвкушении скорой встречи с домом, мне не только хотелось обладать множеством рук, но и исполнить своё самое заветное желание.

— Анна, как ты так быстро управилась? — вдруг спросила мама. — Неужели тебе кто-то помогал, а ты молчишь?

От неожиданности и волнения я удивлённо посмотрела на неё, и она, казалось, позабавившись моей реакцией, звонко рассмеялась.

— Нет, мама, мне никто не помогал! Я всё сделала сама!

— ответила я, мечтая как можно скорее выскользнуть за порог. Но тут снова услышала своё имя.

— У меня такое ощущение, словно у тебя появилась вторая пара рук! — неожиданно заявила Сания.

Я замерла, не зная, что ответить на её слова, и отчего именно сейчас, в самый неподходящий момент, меня снова окликнули.

— Нет, мама, тебе это кажется! Никаких дополнительных рук у меня нет, это всё твои фантазии! — убеждала я.

Она снова рассмеялась, но в этот раз её смех прозвучал жутко, неестественно. Я никогда прежде не слышала от неё подобного смеха. На мгновение меня охватила дрожь: может, это какая-то проверка или мои страхи обрели голос? Зачем всё смешалось в одной точке?

— Смотри мне, больше не появляйся возле того дома, иначе... ну, ты знаешь! — прозвучало её предостережение, когда я уже стояла на пороге.

Я сделала вид, что поняла намёк, но в глубине души знала: именно туда лежит моя единственная дорога.

Мысль о том, что я снова иду к этому дому, пронзила меня потом. Лёгкий озноб пробежал по коже, а внутри разлилось необъяснимое, почти безумное тепло. Выскользнув из дома после утвердительного кивка отца, возившегося с чем-то в углу, — он всегда поддерживал мою тягу к знаниям, — я отправилась на улицу и опомнилась лишь у дома Лионов. Непостижимо, но ноги сами привели меня сюда. Подняв гла-

за, я замерла, узнав знакомые очертания дома и оплетённый плющом фасад.

«Как я здесь оказалась? Неужели этот дом обладает какой-то магией, притягивающей меня без видимой причины? Может, я в чём-то провинилась перед хозяевами, или, напротив, меня ждёт необычайный сюрприз?» — эта мысль вызвала у меня тихий смешок.

Остановившись, я перевела дух и закрыла глаза, пытаюсь предвкусить новые ощущения, которые меня ждут за этими стенами, и слегка покачнулась. Прислонившись к шершавой стене, я вдруг почувствовала, как что-то движется по мне. Распахнув глаза, я изумлённо застыла.

Каким-то непостижимым образом я оказалась во дворе. Причудливые тени, словно вуаль, окутывали меня с головы до ног. Словно нежный цветок, я присела на край фонтана, чьи струи, играя в солнечных лучах, переливались несметным количеством мягких, не слепящих глаза оттенков. Заглянув вглубь, я заметила изысканную, бледно-голубую марокканскую роспись на его стенах. Дно было усыпано крупными кристаллами, свет которых искрился и танцевал в солнечных зайчиках, проникающих сквозь толщу воды.

Я зачерпнула полную горсть прохладной воды. Казалось, я могла бы сидеть так вечно, если бы на меня не упала чья-то тень. Испугавшись, что в этом старинном доме есть кто-то ещё, я медленно повернулась.

Плющ тянул ко мне свои нити из сочной зелени, усыпан-

ные бесчисленным количеством крошечных бутонов. Раньше я никогда не видела цветущий плющ. Бледно-розовые цветы источали божественный аромат, затмевающий собой даже запах роз. Но больше всего поразило то, что плющ казался живым, и сквозь его листву чувствовалось чьё-то дыхание. Дыхание близкого, почти родного человека.

Поднялась я неторопливо, словно сейчас грянет оркестр и мне предстоит кружить в балетной феерии. Плющ, словно живой, притянул меня в свои зелёные объятия, и вот я уже утопаю в мягкости травы и благоухании цветов. Мы закружились в немом, волшебном танце, и ни одна мысль о доме, не омрачала мой разум.

Опьянённая ароматами, нежностью шелестящей листвы и таинственной аурой этого места, я забыла обо всём на свете. Неодолимое желание остаться здесь, в этом прекрасном, но для кого-то проклятом уголке, заставляло лишь украдкой бросать мысли в сторону родительской обители...

Мы всё ещё покачивались в такт импровизированной мелодии. Минуту я парила в этом дивном танце, как вдруг музыка резко остановилась, словно оборвалась нить. Я потеряла равновесие, едва коснувшись коленями мраморного пола фонтана, настолько прекрасного, что взгляд невольно скользнул в его глубину. В нём, словно проснувшийся вулкан, забурила вода. Ужас сковал меня, когда передо мной развернулась эта странная картина.

В ту же секунду со дна начали вздыматься огромные пу-

зыри размером почти с сам фонтан. Миг — и водяная струя, до этого бьющая ввысь, исчезла. Пузыри, достигнув края, образовали прозрачный купол. Заворожённая, я наклонилась, чтобы разглядеть, что же скрывается на дне, каков предел этого водяного чуда? И вдруг, неожиданно для себя, коснулась многослойной, упругой плёнки воды.

Небо заволокло тучами, а у главного входа в дом появился силуэт. Вдали виднелась фигура человека среднего роста, опирающегося на трость. Выпрямившись, незнакомец так же стремительно, как и я, оказался рядом, протянул руку и посмотрел на меня с искренней добротой. Словно зачарованная, я приняла его помощь. В ту же секунду первые капли дождя коснулись земли, и мужчина с напускной учтивостью жестом пригласил меня в дом, но не через парадную дверь, как полагалось бы гостю, а через дополнительную, словно тайком. Я лишь молча кивнула, и натянутая улыбка невольно тронула мои губы, предавая смятение.

— Возможно, вы испугались, госпожа Анна? — спросил незнакомец.

Я опустила взгляд. Под ногами, будто непослушный ручей, игриво журчала чистейшая вода, устремляясь куда-то вспять. В этом доме, казалось, даже законы природы решили перевернуться с ног на голову.

— Ничуть! — ответила я, стараясь, чтобы голос не выдал дрожь, охватившую всё тело.

Ослепительная улыбка мужчины расчертила его лицо, ко-

гда он предложил встать на край фонтана. Словно тень, он мгновенно оказался рядом, обхватил мои пальцы крепкой хваткой и прошептал, приглашая прыгнуть вслед за течением.

«Это какая-то нелепая, пугающая шутка, — мелькнуло в сознании. — И, возможно, очень скоро мне будет нечем дышать...»

Смирившись с неминуемым объятием ледяной воды, я вдруг увидела, как незнакомец, озарённый неземной улыбкой, приветствует меня в огромном, залитом светом зале.

Сердце бешено заколотилось, и волна непередаваемых чувств захлестнула меня. Глаза распахнулись в изумлении, и я, уцепив себя за руку, отчаянно пыталась понять: явь это или причудливый сон? Когда буря эмоций утихла, я с изумлением обнаружила, что на мне нет ни единой капли! Удивительно, но это невероятное путешествие с незнакомцем не вызвало ни капли сожаления. Казалось совершенно естественным безумно прыгнуть в фонтан и остаться абсолютно сухой!

Набрав полную грудь воздуха, я двинулась сквозь сумрак зала к силуэту, что маячил, казалось, в пределах досягаемости. Но с каждым шагом, отзывавшимся гулким эхом в тишине, он ускользал, словно мираж, сотканный из теней.

Язык словно примёрз к небу, скованный ледяным безмолвием.

— Это всего лишь иллюзия, порождённая падением! Ско-

ро всё рассеется, не бойтесь, — прозвучал вкрадчивый мужской голос.

Я не видела, как шевелятся его губы, но каждое слово звучало отчётливо, словно хрустальный колокольчик в тишине.

В тот же миг взорвался каскад ослепительных огней, заставив глаза замереть в изумлении.

Тысячи искр усыпали собой потолок огромного зала, который, вопреки всему, показался до боли родным. Мраморный пол цвета марсала и белого камня являл собой полотно гениального художника — такой красоты не встретишь и на самых изысканных картинах! В его зеркальной глади играл искусственный свет, вобравший в себя всю палитру красок и создававший причудливые, восхитительные узоры.

Лишь позже я осознала, что это не лампы, а мириады свечей, изящно покоящихся в хрустальных объятиях подсвечников, устремлённых ввысь. Их тёплое сияние окутало меня, рождая смутное предчувствие пробуждения. Но пробуждения не наступало. Ведь нельзя проснуться от того, что уже давно стало частью тебя.

В самом сердце зала на полу расцветал золотой лотос, словно сотканный из солнечного света. Заворожённая, я медленно приблизилась, чтобы рассмотреть это неземное великолепие. Молочно-белые колонны из гранита, словно стражи вечности, выстроились по периметру, увенчанные позолоченными канделябрами, в которых мерцали живые огоньки свечей. Под высоким потолком, словно небесный

свод, раскинулась античная мозаика, где ангелы с арфами изливали свою божественную музыку. Их нежные переливы, казалось, наполняли зал волшебством и умиротворением. Взгляд терялся в лабиринте арок, украшенных тончайшей позолотой, играющей в лучах восходящего солнца, словно драгоценные самоцветы.

Впереди, подобно portalу в другой мир, возвышалось огромное витражное окно в форме полуарки, окутанное тяжёлым изумрудно-зелёным бархатом, расшитым серебряными нитями, словно морозным узором.

«Я словно попала в сказочный замок, где непременно должен жить прекрасный принц!» — пронеслось у меня в голове.

Несколько кованых стульев с сиденьями из алого шёлка, мягко утопающих в пуховой неге (именно пуховой, так как я невольно чихнула), расположились возле чёрного рояля. Казалось, инструмент должен быть покрыт толстым слоем пыли забвения, но, к моему изумлению, его лакированная поверхность сияла чистотой, словно его только что коснулись руки человека, соблюдавшего чистоту дома.

Глава

Глава 6.

Назад в прошлое

Парадные двери неприступно молчали за замком. Неведомая сила влекла меня к ним, заставляя протянуть руку. Касание было почти свершившимся, когда за спиной раздался звук — тихий, старческий кашель. Обернувшись, я замерла. Передо мной стоял старик лет шестидесяти пяти, высокий, крепкий, с благородным профилем, отмеченным горбинкой носа и чуть впалыми скулами. Но более всего поражали его глаза — небесно-голубые, в глубине которых мерцало такое тепло, что отвести взгляд было невозможно. Он был облачён в чёрный вельветовый сюртук, под которым белела накрахмаленная рубашка с высоким воротничком, коричневый жилет, из кармана которого выглядывала золотая цепочка, маленькие часы на руке и строгие брюки, заканчивающиеся штиблетами. Он стоял, изучающе и мягко глядя на меня.

Казалось, прошёл лишь миг, прежде чем он нарушил тишину. В его голосе слышалось давнее, почти истлевшее желание поделиться словами с кем-то, кто находился вне дома.

— Здравствуй, милое дитя! Как ты сюда попала? — его вопрос прозвучал эхом, словно вихрь пронёсся по залу.

И я, словно потерявшийся ребёнок, начала свой короткий, но важный рассказ: о бреши в стене, оплетённой зачарованным плющом, о шепчущем фонтане, о той непреодолимой силе, что тянула меня сюда в последние дни. Он слушал, не перебивая, и когда я умолкла, его лицо озарила улыбка, ставшая прекрасным завершением этого завораживающего облика. Он приблизился и попросил протянуть ему руку. Я послушно вложила свою ладонь в его руку. То чувство — нежность, благоговение и какая-то тихая покорность, отразившаяся в его глазах — надолго поселилось в моём сердце.

Невозможно передать словами смятение чувств, охватившее меня. Казалось, мой мир перевернулся. В голове роились тысячи вопросов, адресованных этому странному старику, который неумолимо удалялся. И когда я вновь попыталась приблизиться, он лишь жестом остановил меня, словно запрещая разговор. На мой безмолвный вопрос ответила... тишина.

В мгновение ока старик исчез, словно растворился в воздухе, а на его месте возник Арни, человек, с которым я попала в этот дом. Он объяснил, что Ивану тяжело видеть детей, ведь когда-то он потерял своих.

— Когда-то дом звенел родниками детского смеха, а затем содрогался от криков и безутешного плача Анастасии Орловой после таинственного исчезновения детей. Хозяин дома навеки погрузился в молчание, словно склеп, — эхом отзывался Арни.

И тут он словно поведал мне страшную правду: ни одного из детей Ивана Лиона так и не нашли!

— Они играли недалеко от дома, у пруда на полянке, где так любили ловить бабочек! — с горечью добавил Арни.

Он поведал, что его хозяин прекрасно осведомлен о слухах и небылицах, которыми обросла история дома и его несчастной семьи. Сердце моё сжалось от жалости. Я представила всю ту боль, которую ему пришлось пережить, невыносимые страдания, холод одиночества и неумолимое приближение старости.

И действительно, на первый взгляд и не скажешь, что этот статный мужчина — старик. В его глазах горел огонь, словно неугасимая искра надежды.

Это странное стечение обстоятельств, эта невероятная история навсегда запечатлелись в моём сердце из уст моего нового друга. Всё казалось страшной выдуманной историей. Ведь разумный человек всегда отличает правду от вымысла, реальность от фантазии.

Может быть, в нём таилась некая мистическая сила, притягивающая его обратно, как мотылька к пламени? Или, излечив глубокие душевные раны, он решил вновь окунуться в омут смешанных чувств, где радость когда-то танцевала рука об руку со скорбью?

Счёт времени потерялся мной, блуждая в лабиринтах мыслей и теней. Час? Два? Казалось, прошла целая жизнь. Но одно я знала наверняка: если я не выберусь отсюда в

ближайшее время, тревога родителей перерастёт в безумный страх, способный затмить даже эту трагическую обитель.

Я позвала Арни, который стоял неподалеку, но он не ответил. Спустя мгновение, словно отвечая на мой невысказанный вопрос, он произнёс:

— Вам пора возвращаться, госпожа Анна! Позвольте мне помочь вам?

Я покраснела до кончиков пальцев. Никто и никогда не обращался ко мне так почтительно.

— Какая ещё госпожа?! — выпалила я так быстро, что Арни попросил повторить.

— Не гневайтесь, госпожа. В этом доме мы всех гостей именуем господами, а вы — наша гостья! — монотонно произнёс он.

Меня поразила его нарочитая медлительность в речи, каждое слово будто выковывалось с усилием, но твёрдо. Впрочем, у меня не было ни времени, ни желания разгадывать эту странность, и я настояла, чтобы он поскорее отправился домой.

— А сейчас позвольте проводить вас, ведь уже вечереет, и у вас могут возникнуть неприятности! — словно читая мои мысли, продолжал Арни.

К моему удивлению, Арни был крайне немногословен. Его глаза щурились после каждого моего слова, словно он записывал всё в своей голове. Он казался мне собеседником, чей ум искрился, как роса на солнце, ровно, как и хозяин

этого дома, пропитанного молчанием. Но странность заключалась в том, что ни один из них не питал страсти к разговорам, хотя...

— Вы ещё многого не знаете, госпожа! — и улыбка тронула его губы.

Я слегка улыбнулась в ответ, но промолчала. Вопросов к Арни у меня больше не было.

Мысли вновь вернулись к Лиону, я надеялась получить ответы от него. Но Арни, словно предугадывая мои намерения, быстрым шагом отошёл от меня, а затем и вовсе исчез. Прошло несколько минут, и его силуэт вновь показался вдалеке. С живой энергичностью молодого человека он подошёл ко мне, пристально посмотрел в глаза и взял с меня слово, что я никогда не попытаюсь открыть ту запертую дверь.

Я моргнула, и единственное, что я ещё запомнила, — это щелчок пальцев. И вот я уже за забором дома. И, как оказалось, время там пролетело незаметно, словно в волшебном сне.

Солнце клонилось к закату, и надвигалась гроза. Таких чёрных туч я не видела с тех пор, как затопило наш подвал. Я огляделась и увидела странно одетых людей, словно провела в заточении несколько десятков лет, и время повернулось вспять. Вокруг меня все было иначе: другой покрой одежды, странная речь, будто я попала в эпоху крепостных, незнакомые растения, деревья...

Всё это не было похоже на то, что я оставила, войдя в дом

за забором. Я не понимала, где нахожусь. Место, которое я покинула, не соответствовало тому, где оказалась сейчас.

Казалось, щелчок пальцев Арни перенёс меня в прошлое.

— Почему именно сюда, почему в это время и к этому дому, где нет никого, кого бы я знала?! — вслух спросила я себя.

Осознание того, было ли это каким-то образом связано со мной, с тем домом и с событиями, которые произошли здесь когда-то, не давало покоя. Я совсем забыла о голоде. Волна предчувствий, терпкая от новизны, захлестнула меня, в этом месте, где грёзы становятся явью. Обернувшись на дом, я узнала в его фасаде эхо той обители, что видела ранее.

Тёплые стены, та же крыша — здание осталось в том же состоянии. Правда, забор стал ниже, не такой высокий, но плющ всё также закрывал фасад здания, хоть и не густой растительностью. Забор представлял собой красивую ковку с острыми пиками на концах прутьев. Во дворе царила негласная тишина, и, чтобы добраться до дома, приходилось брести по аллее, где карликовые деревья, словно в вечном поклоне, склонялись до самой земли под натиском свирепого ветра. Сквозь сплетение ветвей, словно стражи сумрака, выстроились столбы фонарей, излучая призрачный свет.

Мне некуда было идти, и я присела отдохнуть возле дома. Земля была тёплая после солнца, и я позволила себе немного подумать. Жажда и голод стали преследовать меня. Мысль о ночлеге висела в голове нерешённой задачей, и, уже собира-

ясь подняться, я заметила, как ко мне приближается женщина средних лет, невысокая, с копной огненно-рыжих волос, словно языков пламени, и блаженной улыбкой, озарявшей её лицо. Казалось, она совершенно не замечала сгущающихся над головой туч и с неприкрытой, почти детской радостью заговорила со мной.

— Вы служанка? Вы пришли работать у нас? — прозвучал вопрос.

Мне никогда не приходилось работать, но я знала, что любой труд полезен, даже в моём возрасте, и, к своему удивлению, утвердительно кивнула.

Я поспешно встала. Женщина выглядела доброй и ухоженной. В её внешности не было ничего отталкивающего, но и притягивающего тоже. Она была сама собой, и меня к ней потянуло, словно к давней знакомой.

Дорога была ровная, с мелкой галькой под ногами. Моя рыжая спутница что-то бормотала себе под нос, иногда оглядываясь на меня, словно боялась потерять.

— Не отставайте, пожалуйста! У нас скоро важные для семьи события, и нам необходимы свежие силы! — говорила она словно про себя.

Женщина провела меня через парадный вход в просторную гостиную с множеством окон. К моему удивлению, в гостиной всё было расставлено с большим вкусом: массивный стол, шесть резных стульев, два кресла в тон интерьеру стояли по обеим сторонам коричневого дивана. Посредине сто-

ял небольшой стеклянный столик, на котором мерцала лампа, наполняя комнату ароматом хвойного леса. Над камином, словно трофей из застывшей вечности, нависал олень с потухшим взором, а у его подножья, подобно покорному стражу, раскинулась шкура неведомого зверя.

Огромных размеров люстра с разноцветными лампами, открытый черный рояль, несколько больших картин, среди которых выделялось величественное полотно «Тайная вечеря», и ещё много интересных вещей.

«Почему здесь всё отличается от того, где я побывала пару мгновений назад?» — спросила я себя.

Достигнув двери кабинета, моя спутница замерла, и я, повинувшись негласному сигналу, остановилась следом. Она обернулась, бросив мимолетный взгляд, и попросила подождать, пока хозяин не будет готов принять меня. Что ж, оставалось лишь покориться. Смирив нетерпение мыслями о живой влаге и, возможно, скромном угощении, я опустилась на неприметную скамеечку у стены, словно тень, ожидающая своего часа.

Я просидела, наверное, целую вечность, жадно впитывая взглядом каждый уголок данного помещения. Незыблемое чувство, словно я вернулась в родные места, не покидало меня. Голод, напряжение и калейдоскоп пережитых впечатлений неумолимо клонили моё тело в сон.

Томительное ожидание у двери кабинета тянулось мучительно долго. Голод терзал внутренности, и я просила лишь

об одном: чтобы наконец-то прояснилась моя дальнейшая судьба в этом доме. И словно в ответ на мои мысли, дверь бесшумно отворилась, являя мне мужчину.

В тот момент меня пронзило ледяное касание небывалого ужаса — словно в сумраке явился призрак из древней легенды. Но это было не видение, а тот самый старик, шестидесятипятилетний... только юный, словно время обратилось вспять. Остолбнев, я застыла, как статуя, не в силах вымолвить ни слова. Кровь отлила от кончиков пальцев, превращая их в лёд и когда он шагнул навстречу, приветствуя меня сияющей улыбкой, страх полностью овладел мною, оборвав нить сознания, и я упала в бездонную пропасть забвения.

В одно мгновение около меня образовалось небольшое кольцо встревоженных слуг, а сам Лион, чуть поодаль, не сводил с меня глаз, сидя в кресле. Когда сознание начало возвращаться, в толпе возникло смятение, он стремительно поднялся и направился ко мне.

То время стало для меня бесценным откровением о трагедии семьи, которую я, казалось, знала всю жизнь, но и представить себе не могла, что стану частью её истории.

Неизвестны пути судьбы, и моя судьба не стала исключением.

Густой туман голосов, словно саван, окутывал меня. Едва различимые голоса, робкие и тихие, словно боялись спугнуть мой сон, торопливые шаги прислуги и шелест накрахмаленных юбок звучали подобно безмолвному танцу опа-

дающих листьев. Всё это сплеталось в прозрачную картину безмятежной гавани, тусклое предчувствие надвигающегося счастья. Далёкое пение петухов, робкое перешептывание птиц за огромным окном, глухой лай дворовых собак и чьё-то нежное, завораживающее песнопение, наполняющее сердце светлой, щемящей грустью, — всё дышало такой простой, такой хрупкой, пронзительной душевностью.

Всё это доносилось до меня словно издалека, сквозь зыбкую пелену дрёмы. Когда я окончательно вышла из забытья, надо мной склонилось лицо женщины, и голос её был столь нежен, что, не будь вокруг ослепительных лучей, пробивающихся сквозь расступившуюся толпу, я бы приняла её за ангела, спустившегося с небес.

Приподнявшись на локтях, я попыталась разглядеть черты дивной незнакомки. Её красота была неземной, словно сотканной из лунного света и утренней росы.

— Может быть, ты расскажешь нам, откуда ты родом и как тебя зовут? — прозвучал вдруг её голос.

Волнение сковало меня, пальцы нервно застучали по ноге. Никогда прежде я не испытывала подобной робости в обществе людей, но здесь всё было иначе.

— Меня зовут Анна, я издалека... — не успела я договорить, как Лион перебил меня, словно предостерегая от лишних слов.

— Девушке нужен отдых! Всем вернуться к своим обязанностям, а ей — покой! — властно скомандовал он, и словно

по мановению волшебной палочки свита растворилась, поглощённая водоворотом повседневных дел.

Мои глаза, должно быть, стали огромными от изумления, что не ускользнуло от её пронизательного взгляда. Она открыла рот, словно собираясь что-то сказать, но слова так и застыли на языке. Лион, наблюдавший за этой сценой, опустил на корточки рядом с супругой и первым прервал тишину:

— Что же так поразило тебя, дитя? — спросил он с ласковой улыбкой.

— Мне просто нехорошо, — прошептала я, и голос предательски дрогнул.

— Мы можем позвать лекаря, если пожелаешь. Пусть взглянет, что омрачило сияние столь прекрасного создания и так напугало его, — он одарил меня теплой, ободряющей улыбкой.

— О нет, благодарю, — еле слышно выдохнула я, чувствуя, как силы покидают меня.

Женщина, стоявшая рядом, и была Анастасия Орлова. Мне казалось, будто я сплю, настолько нереальной казалась её красота. Тонкая талия, нежные руки, обвившие меня, когда она помогала подняться с дивана, были такими мягкими, что пух казался грубым куском железа в сравнении с ними. Сердце бешено колотилось, трепеща перед воплощением грации и женственности, перед самой мыслью об этой женщине.

— Ты пришла работать в наш дом, и мы принимаем тебя! Нам не хватает такого чистого и открытого человека. Не могу сказать, что мои слуги не соответствуют требованиям, но нам нужен глоток свежего воздуха! — произнёс он почти на одном дыхании.

«Необыкновенный голос!» — прозвенело в моём сознании.

Он стоял в двух шагах, и в уголках его губ играла загадочная улыбка. Затем мужчина утвердительно кивнул супруге. Анастасия одарила его сияющей улыбкой, словно лучик солнца, и, обратившись к слугам, повелела обучить меня премудростям домашнего хозяйства. Сама же, легко поднявшись с колен, упорхнула к детской, где дети, подобно вихрям, носились по комнате, наполняя дом звонкими криками и неуёмной энергией. Лион же, стремительно пересекая пространство, скрылся в своём кабинете, расположенном за стеной, словно за неприступной крепостью.

Время текло сквозь пальцы, как песок. И вот, часы пробили шесть часов, но это были не восемнадцать, а именно шесть часов утра!

Заметив неподалеку юную девушку, я с надеждой обратилась к ней:

— Неужели рассвет?!

— Именно так, сударыня, — отвечала она с учтивостью, столь редкой в этих краях, что казалось, передо мной не крестьянская дочь, а юная графиня, случайно затерявшаяся сре-

ди лабиринтов домов.

— Но как? Все на ногах, все суетятся, разве такое возможно?! — не унималась я в расспросах.

— Мы всегда начеку, сударыня, это наша работа. И вам, полагаю, вскоре предстоит познать прелести нашего уклада, — с едва уловимым укором прошептала служанка.

В ту же секунду вошла другая служанка и сообщила о накрытом завтраке. Ещё какое-то время мы сидели за столом, уплетая завтрак и смеясь над шутками молодых людей, рассевшихся с нами. Но было в этих людях что-то притягательное, колдовское, нечто большее, чем просто семейные узы или дружеское общение. Благородство Лиона сочеталось с неземной чистотой его супруги. Лион и Анастасия были идеальной парой, тем самым гармоничным тандемом, о котором мечтает каждая семья. Моё желание остаться в этом доме крепло с каждым часом, глядя на отношения между хозяевами и прислугой. Я была для них дополнительным источником света, как и они для меня...

Глава

Глава 7.

Запах дома

— Девушка, проснитесь! Время не ждёт, пора вставать!
— настойчивый голос служанки назойливо звучал у самого уха.

Её резкий призыв вырвал меня из объятий сна. Гомон, подобный рою пчёл в улье, заполнил пространство вокруг. Смесь голосов, просьб и тихих перебранок создавала какофонию, но в ней не было ни злобы, ни упрёков. Каждый, казалось, плыл в потоке своих обязанностей, и в этом круговороте царила странная идиллия.

Всё вокруг вертелось, как в калейдоскопе. Стоило лишь прозвучать имени Лиона, как слуги разбегались по углам, словно испуганные мыши. Мужчина не был ни тираном, ни деспотом. Он пользовался всеобщим уважением, как в доме, так и за его стенами. Его любили даже соседские дети, не только за рождественские подарки, щедро сыпавшиеся из его рук, но и за огромное сердце, что стало редкостью в наши дни. Но он был строг — строг с семьёй, с прислугой, с рабочими, которых у него было немало. Строгость придавала ему мрачный вид, но в нужные моменты он был открыт и добр ко всем.

Этот миролюбивый и свободолюбивый человек был настолько погружён в свои мысли, что не замечал громкого смеха своих детей, которые, по словам матери, разгулялись не на шутку. Он медленно направлялся в свой кабинет и принимался за бумажную работу.

— Скоро ему нужно уезжать! Успеете познакомиться поближе, а пока за работу! — прервала мои размышления служанка.

— Уезжать? А насколько далеко? — переспросила я.

— Сначала во Францию, а затем в Бразилию, всего лишь на несколько недель! — щебетала она.

Речь девушки показалась мне интересной. Она была отзвучившей и вполне разговорчивой.

— А какова причина его путешествия? — снова не удержалась я от вопроса.

— По поводу завода! У нашего господина во владении много леса! — произнесла она и улыбнулась.

Я улыбнулась в ответ, тронутая её детской непосредственностью. Эта наивная открытость или, быть может, искусно разыгранная непринужденность, казалась добрым предвестием нашей будущей дружбы.

Ступени крутой лестницы, словно взбесившиеся клавиши старинного пианино, вели вверх. Мерцающие свечи в канделябрах, расставленных вдоль стен, бросали призрачные блики, источая не только свет, но и лёгкую прохладу, смешанную с едва уловимым ароматом ладана и пыли. Мой робкий

стук в дверь растворился в тишине, и после томительных трёх минут ожидания я, полная разочарования, повернулась, чтобы уйти.

Вдруг стало душно от закрытых окон и дверей, несмотря на чудесную погоду за окном. Я направилась к длинному дивану у окна, но мой взгляд зацепился за картину, скромно висевшую напротив. На ней было изображено кораблекрушение; шум волн и скрип древесины доносились до меня с такой силой, что вызвали глубокий эмоциональный отклик. Мои мысли обратились к Сании и Герману, и тоска закралась в сердце.

Вынырнув из омута собственных размышлений, я заметила суету прислуги. словно встревоженные пчёлы, они торопливо облачались в лучшие наряды и с удвоенным рвением наводили чистоту. И тут, словно гром среди ясного неба, новость — Лион устраивает бал в честь дня рождения своей дочери!

«Настоящий бал... Я никогда не бывала на настоящем балу!» — мысль пронзила меня, как искра.

Сбросив оцепенение, я вскочила на ноги и, отряхнув несуществующие пылинки, поспешила вслед за прислугой в их кипящий жизнью улей, предвкушая волшебство подготовки.

Мягкая обстановка прачечной, куда меня привела Азель, старшая по дому, та самая девушка, чья комната находилась за жуткой лестницей, больше напоминала кукольный дом. Прачечная была заполнена куклами, сотнями ку-

кол. Маленькие, огромные в человеческий рост, средние, куклы-девочки, куклы-мальчики. Нигде, по моему мнению, нельзя было найти столько кукол, кроме как в прачечной Лиона.

Конечно, я не могла не поинтересоваться, зачем и кому столько кукол и почему они находятся в прачечной, а не в детской или в специально отведённой комнате?!

И вот какой безумный рассказ я услышала от Азазель, которая сама была под огромным впечатлением, когда впервые увидела их именно здесь.

На сороковой день после рождения первенца Ивана в их дом забрёл необычный старик. Никто не знал, кто он и откуда. На нём была чёрная мантия с накидкой, сапоги в тон мантии, небольшая сумка через плечо, длинная белая борода по пояс и необычный вязаный мешочек в руках размером со спичечную коробку. Старик постоянно перекидывал мешочек из руки в руку, словно играя в кости. Медленной походкой он подошёл к Лиону и, взглянув через плечо Анастасии на ребёнка, начал что-то бормотать. Все замерли в ожидании, пытаясь понять, кто этот старик и что он говорит.

Внезапно старик, ухмыльнувшись, пристально посмотрел в лицо Лиону. Не отрывая от него глаз, он начал произносить то ли молитвы, то ли четверостишия, напоминающие песни Возрождения. Его плавные движения рук и гармоничное кивание головой производили на всех усыпляющее действие. Не прошло и пяти минут, как все находящиеся в зале, за ис-

ключением Анастасии и Ивана, окружённых с четырёх сторон колоннами львов, застыли. Монотонная музыка звучала на инструментах оркестра, а огромный балльный зал начал сужаться до невероятно малых размеров. Создавалось впечатление, что старик желает уместить всех в своём маленьком мешочке, с которым он не расставался ни на секунду.

Присутствующие мотали головами, словно замерли во времени. В их туманных глазах не отражалось никаких эмоций, лишь пустота. Не было ни страха, ни удивления, только чудо вокруг.

Сон старика был прерван разговором, который он сам же и начал. Взглянув на Анастасию, он зашептал. В мгновение ока лица Лиона и Анастасии исказились, а старик продолжал шёпот, только чуть громче:

— Ей рано ещё появляться в нашем веке?! — вдруг одёрнул он сам себя.

— Кто это «она», о ком вы говорите?! — спросил Лион.

— Нет смысла продолжать дальше, если эта девчонка здесь! Немедленно вышлите её! — вновь твердил старик...

Лион не понимал, о ком идёт речь! Он понимал, что старик забывается, и поэтому говорит странными словами.

— Если она останется, тебя постигнет беда, и куклы, соберите много кукол. Они твой дом сохраняют от неё и от него тоже! — продолжал он.

Затем старик, словно подхваченный невидимой рукой, закружился в хороводе сухих листьев и развеялся осенним вет-

ром. словно пелена забвения опустилась на всех, кто был в зале и слышал его слова, вычеркнув из памяти самую встречу. Лион, убеждённый, что это лишь предостережение незваного гостя, позволил тревоге немного отступить, но приказал приобрести как можно больше кукол и спрятать их там, где детские глаза никогда не смогут их отыскать.

Но кто были эти «он» и «она», со временем Лион с трудом понял!

Закончив свой таинственный сказ, Азазель приложила палец к губам, словно запечатывая мои уста заклинанием молчания. Она поведала мне прошлое кукол и жуткую историю старика не для праздных обсуждений, а чтобы я стала очередной хранительницей тайны, что витала над сонмом игрушек в этом доме.

После этого Азазель погрузилась в молчание, которое, словно острые иглы, кололо моё любопытство. Никто прежде не заставлял меня томиться в таком мучительном ожидании! Ведь она так и не проронила ни слова о тайнах этого дома, оставив меня в плену догадок.

Быть может, ей нечего было сказать, или же она просто не желала раскрывать свои секреты. Я смирилась с её характером, ведь я — лишь гостя, среди чужих людей, отчаянно стремящаяся разглядеть человечность в каждом из них.

— Сказать по справедливости, Анна, я и сама не знаю, о ком шла речь, хозяева отказываются об этом рассказывать! Поэтому для меня, как и для тебя, это настоящий секрет, ко-

тому, видимо, не суждено открыться! — ответила Азазель немного погодя.

Её краткий ответ застал меня врасплох, и в смятении я лишь беспомощно развела руками.

Дослушав занятную историю, Азазель вдруг резко вскинула голову, словно очнувшись, и выпалила:

— Итак, за работу! Не забывай, сегодня бал, кажется?

От неожиданности я подскочила.

Её энтузиазм вспыхнул яркой искрой, опалив и моё сердце. Загораясь предчувствием грядущего вихря, я поспешила внять её словам и уже через несколько минут была готова двинуться в самую гущу событий.

Глава

Глава 8.

Бал-маскарад

Мой маленький мирок перевернулся в мгновение ока. Я вышла из прачечной, окрылённая предвкушением чудес, желая удержать это чувство лёгкости на весь день. В стенах, где царили предрассудки и страх, моё стремление попасть на аристократический бал было бунтом. Азазель осталась в прачечной, погружившись в рутину подготовки персонала к неизбежным строгостям, ведь она была опытным наставником и знала, кому какие примеры приводить, как успокоить разбушевавшиеся эмоции или сгладить неожиданные шероховатости. Личные замечания она оставляла для уединенных бесед. Привилегиями, подобными тем, что были дарованы хозяином дома и его супругой, не пользовался никто, кроме Азазель.

В тот злополучный час, проходя мимо её «каморки», я была оглушена взрывом голосов, слова которых, словно осколки стекла, ранили моё сердце.

— Не кажется ли тебе, что ты перегибаешь палку и превращаешься в настоящую ведьму? — с вызовом бросила Христина в адрес Азазель.

В воздухе повисла гнетущая тишина. Казалось, обе осо-

знали свою оплошность — излишнюю требовательность и пунктуальность, к которой так стремилась Азазель!

— Ну, здравствуй, дитя! — раздался вдруг голос хозяина дома, который странно опирался на одну ногу.

— Добрый день! Я как раз ухожу. Здесь мне больше ничего не нужно. С вашего позволения, я пойду готовиться к балу! — ответила я, стараясь сохранить самообладание.

— Конечно, но ты ведь не собираешься появиться на балу в таком виде? — с лукавой усмешкой спросил он.

— Именно поэтому я и собираюсь заглянуть к Азазель. Надеюсь, она мне поможет! — ответила я, стараясь не выдать своего волнения.

— Отлично! — раздался его зловещий хохот, от которого по спине пробежал холодок.

Не успела я опомниться, как Лион схватил меня за запястье, испепеляя взглядом.

— И всё же, кто ты для господина Лиона? — прошипел он, и в его глазах вспыхнул нездоровый огонь.

Не знаю, чем бы это закончилось, если бы не Азазель. Словно предчувствуя беду, она молниеносно подлетела ко мне, схватила за руку и, не говоря ни слова, потащила за собой, оставив Лиона в недоумении.

— Не разговаривай с ним, поняла? В следующий раз — сразу уходи! — повторила она несколько раз, глядя куда-то в сторону.

Азазель была явно напугана столь резким заявлением

«Лиона». Она ожидала грубости, но такого прямого вопроса к Анне она никак не могла предвидеть.

«Ведь настоящий Иван никогда бы не позволил себе подобного, почему же он так себя повёл?» — недоумевали мои мысли.

Я взглянула на часы. Было без четверти четыре. До бала оставалось всего пять часов, а в доме царил хаос. Все обитатели этого огромного дворца были взбудоражены и суетливы, но скорость, с которой выполнялись дела, поражала даже волшебников.

«Что происходит? Почему он задаёт такие странные вопросы?» — этот вопрос не давал покоя.

— Азазель, а хозяин часто задаёт такие вопросы? — не удержалась я.

— Это не хозяин! И не задавай больше вопросов. Лучше готовься к празднику и наведи порядок в доме. Сегодня ожидается много гостей, а дел ещё невпроворот! — отрезала Азазель, и лицо её тут же омрачилось.

— Как это — не хозяин? Тогда кто он? — не унималась я.

— Анна, в этом доме таится много загадок и тайн. Со временем ты всё узнаешь! — холодно ответила Азазель.

Больше к этому разговору мы не возвращались. Было очевидно, что моя подруга не желает обсуждать ни Лиона, ни его семью. Она была крайне взволнована в тот вечер. Улыбка ни разу не коснулась её лица, она была сосредоточена и сердита.

И действительно, всё оказалось так, как и говорила Азель. Картины не висели на своих местах, бокалы не были протёрты, а на столах отсутствовали скатерти.

В прихожей я увидела двух горничных, несущих посуду — не в руках, а словно левитирующих ею в воздухе. Им не составляло труда переносить огромное количество кухонной утвари, ведь они были уверены в своих силах. Остановив их, я попросила подсказать, где можно найти скатерти на столы. Вернувшись с накрахмаленными полотнами в руках, я принялась за работу. Вскоре ко мне присоединились ещё две девушки. И вот, через полчаса, стол был красиво оформлен. По паре канделябров на каждом столе, расположенных на приличном расстоянии друг от друга, придавали залу торжественность и изысканность. Отполированная посуда сверкала чистотой, а благоухание цветов, расставленных самой Анастасией, наполняло помещение неповторимой атмосферой.

Свечи в люстрах отражались в фарфоре, а лёгкий ветерок, проникавший в комнату через приоткрытые окна, приносил свежесть. Казалось, сами боги хотели бы оказаться в этом прекрасном и уютном зале. Закончив приготовления, я со спокойной совестью отправилась отдохнуть на веранду.

Оставшись одна, я услышала стук вдалеке, словно велась стройка. Пахло смолой, и продолжительное время не смолкал шум молотка.

Приоткрыв дверь, я увидела необычную картину — будто

перенеслась в прошлое. Передо мной стоял небольшой стол, а за ним — фонтан. Тот самый фонтан, через который я попала сюда. Мне было страшно к нему подходить, чтобы старик Арни не отправил меня обратно к родителям, которые, возможно, уже волновались из-за моего долгого отсутствия.

Иногда забываешь, что мечта — вот она, перед глазами, внутри тебя, в руках. Но почему-то мы либо не хотим, либо не видим её и с каждым шагом не приближаем, а, наоборот, отталкиваем её? Поэтому многие из нас несчастны. Мы перебираем в сознании картинки детства и отрочества в поисках изъяна, который мешает нам наслаждаться этим миром, своей жизнью и возможностями, которые дарит Вселенная. Мы посылаем потоки энергии в отдалённые уголки разума и ждём чуда, которое может и не случиться. Начинаем думать и полагать, что всё плохо. А ведь всё как раз наоборот!

Мир настолько велик и многогранен, что каждый наш шаг обречён на успех. Мы же, в свою очередь, ждём некой милости и поэтому с трудом проживаем свою жизнь и уходим из неё, так ничего и не решив.

«В моём случае Лион, богатый аристократ, был изначально добр ко всем. Почему он так изменился? Может, он собирается узнать обо мне больше, чем знает? С другой стороны, зачем ему это нужно, я ведь в его доме всего лишь на время, и мне не нужно его расположение!» — роились мысли в голове.

Я развернулась и поспешила уйти с этого странного ме-

ста, от которого веяло холодом, и снова оказалась в зале, где гости порхали, словно бабочки, где хрусталь сверкал на столах, отражая чистоту убранства.

— Анна, что ты стоишь? В той части зала гости ещё не рассажены! — одернула меня Азазель.

Но её слов я не слышала.

«Мне нужно разгадать тайну связи этого дома со мной, и больше ничего!» — пульсировало в моей голове.

Вопросов у меня было множество, но кому их задать, я не знала. Спрашивать Лиона не было ни малейшего желания после его странного поступка, а обращаться к прислуге было бы неуместно. Единственным человеком, к которому я могла воззвать, была Азазель. Но моя подруга в последнее время была скрытной и неразговорчивой. На вопросы коллег она также отмалчивалась.

«Эта девушка явно что-то знает и, возможно, оберегает меня. Но от чего или от кого?» — спрашивала я себя.

Словно некие силы были на моей стороне в тот момент, и мне предстояло увидеть поистине чудесные вещи в этом доме, яркие и невероятные...

Я услышала, как меня зовут по имени, именно в тот момент, когда стала искать глазами главную по дому. И каково же было моё удивление, когда Азазель, поравнявшись со мной, вручила мне небольшую салфетку, словно что-то ценное, что нельзя выпускать из рук до конца приёма.

— Ты вообще слышишь меня? Где витают твои мысли во

время такого важного мероприятия? — услышала я её недовольный голос.

— Повтори ещё раз! — переспросила я.

Она широко открыла глаза и вздохнула. Несколько секунд помолчав, она проговорила недовольным тоном:

— Что ты собираешься делать? В той части зала гости ещё не рассажены!

Я мигом выпрямилась и увидела, что люди толпятся, словно муравьи, не в силах сдвинуться с места. Я поспешила к этой странной группе, и через несколько минут все гости сидели довольные и счастливые.

Слова Азазели я не восприняла как что-то оскорбительное. Мне не хотелось ни с кем ругаться, и уж тем более с ней.

В тот вечер, вопреки всему, я не только не обмолвилась с Азазелью и словом о загадочном Лионе, но и умудрилась угодить в неприятную ситуацию прямо на торжестве. Ведь всегда найдётся охотник, желающий блеснуть своей добычей, но в этом случае охотнику не повезло!

А началось всё так. Гости, словно по мановению волшебной палочки, начали прибывать в своих роскошных каретах ровно к девяти часам — как и подобает истинным аристократам. Взор ласкали великолепные фраки и цилиндры всевозможных цветов и фасонов, начищенные до зеркального блеска туфли, скромные бабочки и золотые часы на цепочках, отсчитывающие драгоценное время. Дамы блистали в богатых платьях, украшенных замысловатой вышив-

кой, их пышные причёски казались произведениями искусства. Стройные и дородные, они были увешаны драгоценными камнями, мерцающими в свете свечей. Многие из них, к моему удивлению, умудрялись появляться с зонтами, хотя небо уже вторую неделю оставалось безупречно безоблачным. Меня обуряло любопытство, и я не удержалась от вопроса к Азазель:

— Зачем зонты в такую чудесную погоду?

Она окинула меня пристальным взглядом и сухо ответила:

— Мне они тоже кажутся странными, но спрашивать столь важных особ о причинах интересующих нас, — верх неприличия! И да, Анна, умоляю, не заводи этот разговор ни с кем, хотя бы сегодня! — и, не меняя своего угрюмого выражения лица, моя подруга растворилась в толпе гостей.

Я промолчала, хотя меня не покидало ощущение, что Азазель что-то недоговаривает насчёт этих зонтов.

«Зачем ломать голову над наличием зонтов у гостей, когда сегодня такой восхитительный вечер?!» — попыталась я убедить себя.

Прошёл, наверное, час, прежде чем я, остановившись перевести дух от духоты зала и бесчисленного количества людей, а обернувшись, несказанно удивилась.

Передо мной стояла Вероника. Маленькая девочка дрожала всем телом от холода, её огромные глаза смотрели на меня с такой мольбой, что у меня у самой перехватило дух. Растрёпанные волосы висели прядями, словно она долго бе-

жала, спасаясь от преследования, и изрядно пропотела. Босые ноги были перепачканы землёй, и по ним было видно, что ребенка не купали и уж точно не укладывали в постель.

— Анна, мне холодно, и я хочу к маме! — твердила она, глядя на меня, словно я была спасительницей.

Все мои мысли мгновенно сосредоточились на ребёнке, появившемся, словно из ниоткуда!

— Малышка, как ты здесь оказалась и почему ты не в постели? — спросила я, стараясь сохранить спокойствие.

В этот момент Лион повернулся в нашу сторону, и его взгляд мгновенно застыл на босоногой дочери. Через пару мгновений к нам подошла и Виктория. В отличие от сестры, она была обута, но и её внешний вид оставлял желать лучшего. Я поняла, что обе девочки чем-то очень сильно напуганы. Их ладошки были влажными от пота, а глаза горели от страха. Одежда была испачкана какой-то краской, от которой исходил неприятный, отчётливый запах. Я взяла их за руки, и мы быстрым шагом направились к лестнице, ведущей в комнаты. В этот момент у меня за спиной послышался шёпот.

— Ведь это же дочери Лиона! Какие они стали большие! Наверное, уже в гимназию ходят! Посмотрите, а кто это у нас там без обуви? — не унимались шептуны.

Сдержанный смех, прокатившийся по залу, словно ледяной ветер, заставил всех обернуться в нашу сторону. Не обращая внимания на любопытные взгляды, я продолжала подниматься по лестнице, крепко сжимая ладошки девочек.

— Ну же, девочки, не дадим этим господам потешаться над нашими босыми ножками! — торопила я их, чувствуя, как щёки заливают краска.

— Стойте, мы должны на них посмотреть! Вы слышите меня?! — прозвучал грубый окрик, и я поняла — что это адресовано нам.

Едва мы сделали ещё шаг для входа в коридор, где начались комнаты, грубый окрик, словно удар хлыста, прорезал царившую полумглу, преграждая нам путь.

— Она, наверное, глухая, кричите громче! — и по залу снова пронёсся хохот.

Слова женщины больно меня задели. Я и представить себе не могла, что взрослые и интеллигентные люди могут позволить себе столь грубые и резкие выражения.

Обе девочки одновременно посмотрели на меня, и в этот момент я твёрдо решила, что «глухая» непременно покажет им, что у неё не только всё в порядке со слухом, но и с воображением.

Я остановилась и, не отпуская рук детей, начала искать ту самую «глухую» — полненькую женщину под руку с молодым человеком, которая словно разжигала своё любопытство от непричесанных детей. Бледно — рыжая копна её волос была украшена мелкими, с горошину, цветами. Я закрыла глаза и мысленно произнесла:

— Желаю увидеть у неё пятак, пока она не извинится перед детьми! — прошептала я вполголоса.

Не знаю, как такое могло произойти, но в зале одновременно раздались крик и смех. Когда я открыла глаза, то увидела перед собой ту самую женщину с пятакон, абсолютно розовым, как у молодого поросёнка. Она не то хрюкала, не то плакала. Её визг был слышен на улице, и гости, не успевшие войти вовремя, влетали в зал, словно их заносило метелью. Увидев такую картину, все начали смеяться, и от аристократического приёма Лиона осталось одно название.

Анастасия поспешила к нам, а зал продолжал гудеть, спрашивали хозяина данного обители, кто я такая и откуда появилась в его доме.

— Что здесь происходит? — спросила Анастасия мягким голосом, склонившись к детям.

— Не знаю, госпожа. Но знаю точно, что дети где-то вымазались в грязи, краске, а кто-то и вовсе оказался босиком! — поспешила я ответить.

— Всё ясно! Не будете ли вы так любезны отвести детей в ванную комнату, а затем уложить их спать? — спросила хозяйка дома.

— Да, конечно, я сейчас же этим займусь! — последовал мой ответ.

Анастасия, с нежностью прижав детей к себе и поцеловав их, поторопила меня, дабы дети не увидели дальнейшего развития истории, которая, казалось, только набирала обороты.

В зале царила настоящая вакханалия. Все кружились, засыпая Лиона вопросами обо мне и детях. Кто-то даже решил,

что он сделал это нарочно, чтобы представить гостям своих дочерей. Но, видимо, в зале не нашлось ни одного здраво-мыслящего человека, который бы понял, что Лион и его супруга меньше всего хотели, чтобы посторонние увидели их детей. Они оберегали их от посторонних глаз, будучи уверенными, что это не приведёт ни к чему хорошему.

Женщина, словно пригвождённая позором, застыла с пятаком на лице, её била дрожь унижения. Она отчаянно пыталась сохранить подобие самообладания, но страх и отвращение к случившемуся терзали её. Едва я растворилась за стеной, в гостиную, словно тень, скользнул Лион.

— Где она? Позовите её сюда, Иван! — твердила она.

Мадам Дюпон, чья фамилия происходила из благородной и аристократической французской семьи, была на грани нервного срыва.

— Я не могу этого сделать, Жюли, она занята детьми! — спокойно произнёс Лион, словно перед ним стояла прежняя женщина, без пятака.

Ему отчаянно хотелось разразиться смехом, но это было бы воспринято как оскорбление, и он из последних сил сдерживал клокочущий порыв. Смех подкатывал волнами, и каждый раз Лион опускал голову всё ниже, стараясь избежать неловких взглядов.

— Отлично, я буду ждать, пока она не освободится! — прозвучало её хрюкающее заявление.

— Как скажете, мадам Жюли, она скоро будет! — ответил

Лион и поспешил отдалиться, склонив голову в почтительном поклоне.

Он предложил ей присесть в небольшое кресло, стоявшее неподалеку от дивана, где частично расположились остальные гости.

Они же, словно стайка воробьев, перешептывались, тихонько похрюкивали в такт её репликам и посматривали на неё, как на диковинного шута при дворе. В одних глазах мелькала жалость, в других — злорадное торжество: мол, поделом ей, за её сварливый язык и скверный нрав.

Лишь спустя долгие сорок минут, а может, и больше, убедившись, что детские сны крепки и безмятежны, Анна, крадучись, словно тень, проскользнула в коридор. Там, в полумраке, её уже поджидал Лион. Не ожидая этой встречи, она на мгновение растерялась, но всё же двинулась к нему. Лион, с присущим ему благородством, попросил её вернуть мадам Дюпон прежний облик, и, услышав её ответ, замер в изумлении.

— Она должна извиниться, иначе пятак останется у неё навсегда! — почти беззвучно прошептала я.

— Извиниться? Перед кем, Анна? — недоуменно спросил Лион.

— Перед детьми и передо мной! — робко ответила девушка.

Лион оставался в таком удивлённом состоянии ещё несколько десятков секунд. Он не проявлял каких — либо

эмоций, ведь её слова тронули его до глубины души своей прямоотой и искренностью.

— Пойдём со мной. Сейчас мы увидим, как на это отреагирует сама мадам Дюпон! — торопливо проговорил Лион, улыбнувшись во весь рот.

Мы спустились в зал. В единое мгновение все стихло и замерло. Наступила такая звенящая тишина, что явно слышалось мерное тиканье огромных напольных часов. Я готовилась к потоку злобных слов, но никак не ожидала, что молчание прервет Лион, решив развязать этот тугой узел, затянутый мной, но развязанный сварливой женщиной в теле.

— Итак, мадам Дюпон, позвольте представить вам Анну, нашу новую горничную. Она робка, но сердце её полно доброты, и я уверен, ей не терпится выразить вам «своё почтение»! — провозгласил Лион, с лукавой искоркой в глазах.

Не секунды не медля, словно одержимая неведомой силой, я ответила ей словами, полными ярости:

— Если вы не принесёте извинения детям и мне, ваш нос навеки утратит прежнюю форму! С каждым новым оскорблением, с каждым ядовитым словом он будет расти, словно у сказочной ведьмы, обрастая уродством злобы и ненависти, превращаясь в нарост на лице!

От этих слов у неё похолодели руки. Лицо вспыхнуло багровым пламенем, и мадам Жюли вмиг превратилась и правда в настоящую ведьму.

— Извиниться... перед тобой?! Да ты же нищая оборван-

ка, ветром занесённая из какой-то Богом забытой деревни! Как я, особа моего круга, могу ронять слова извинений, перед сироткой, как ты?! — прошипела женщина, словно змея, в её усмешке сквозила ядовитая злоба, а каждый выдох сопровождался презрительным хрюканьем.

И в тот же миг, едва последнее слово сорвалось с её губ, нос пустился в безудержный рост. Он не просто увеличился, а раздулся, наливаясь соком лжи, как перезревший плод, превосходя прежний размер вдвое. В зале повисла пронзительная тишина. Глаза присутствующих полезли на лоб, словно улитки из раковин, а рты раскрылись в безмолвном крике изумления. Мадам Дюпон, обуреваемая яростью, всмотрелась обоими глазами в свой разросшийся до нелепых размеров нос, чувствуя, как лицо заливают краска стыда и гнева.

— Простите меня! Я беру свои слова обратно! Верните мне мой нос! — выпалила она и, топнув ногой, нечаянно задела стоявшего рядом юношу.

Зал замер, словно поражённый невидимой молнией. Неужели Жюли способна на извинения? Возгласы изумления покатались по залу, как раскаты далекой грозы. И тут началось невообразимое: нос выскочки то вытягивался вперёд, то съёживался до мелких размеров, пока, наконец, под её пальцами не оказался... прежний нос! Вскочив на ноги, она, словно вихрь, понеслась к выходу, сметая всех на своем пути. Бранные слова, как искры из-под копыт сошедшей

с ума лошади, летели во все стороны. Объявив, что ноги её больше не будет в этом доме предательства и колдовства, она, всё ещё клокоча гневом, укрылась в своей карете и приказала кучеру мчать домой, подальше от этого проклятого места.

Вскоре её карета скрылась за воротами дома, оставив за собой лишь клубы пыли и тихий шёпот пересудов. Обитатели дома были поражены произошедшим и не догадывались, каким будет ответ Жюли. Но они даже не могли представить, какую бурю она обрушит на их головы, ведь её война только началась.

Глава

Глава 9.

Обстоятельства семьи

Жюли, чрезмерно злая, затаилась в тени, выжидая подходящий момент для удара. В её глазах плясали холодные огоньки, отражая решимость и жажду возмездия. Она чувствовала себя униженной, преданной близкими друзьями, и это чувство жгло её изнутри, подпитывая ярость.

Её план созревал постепенно, как плод, набирающий сладость перед падением. Жюли тщательно продумывала каждый шаг, каждое слово, каждое действие. Она изучала своих врагов, их слабости, их страхи. Она собирала информацию, словно паук, плетущий свою сеть.

Первый удар был нанесён исподтишка, словно внезапный укус в траве. Небольшая, но болезненная потеря для семейства, подрыв их репутации в глазах влиятельных особ. Затем последовала серия мелких неприятностей, словно рой изматывающих и раздражающих насекомых.

Хозяева дома забеспокоились. Они чувствовали, что что-то не так, но не могли понять, откуда исходит угроза.

Жюли наблюдала за ними, наслаждаясь их мучениями. Она знала, что это только начало. Самое интересное ещё впереди. Буря вот-вот разразится. Но больше ничего не произой-

шло. Ведь Анна догадалась довольно быстро, чьих это было рук дело, и очень скоро, в разговоре с Лионом, она поведала ему свои подозрения на счёт Дюпон. Лион счёл верным ограничить её влияние в своих кругах, что и принесло свои плоды достаточно быстро. Жюли исчезла из его жизни, возможно, также внезапно, как и ворвалась в неё. Никто о ней более не слышал, да и не было желания, ведь было ясно, какие мысли и действия несла женщина.

С другой стороны, за то время, что я отсутствовала в родительском доме, он словно окаменел, храня в себе отпечаток того рокового дня, когда я не переступила его порог. Германа и Санию обуяла жгучая, всепоглощающая злоба, отравившая воздух и пропитавшая каждый угол. Поиски начались в тот же миг, но тщетно — словно я растворилась в тумане. И вскоре прозвучал страшный и окончательный «приговор»: Анна предательски сбежала.

Одни обходили окрестности деревни, другие — пустыри и заброшенные колодцы, третьи — полуразрушенные здания и сараи. Никому и в голову не пришло заглянуть в проклятый дом Лиона, о котором шептались и слагали небылицы. Лишь одинокий старик, с вязаным мешочком в руках, утверждал, что видел меня у дома Лиона несколько дней назад. Его словам никто не придавал значения, кроме моих родителей. Они обменялись застывшими от ужаса взглядами, понимая, в чём дело.

Воздух застыл в смятении. Герман и Сания с ужасом осо-

знали, что тайна усыновления повисла на волоске, готовая рухнуть в пропасть раскрытия. Они лихорадочно пытались отыскать таинственного старика, словно призрака, явившегося ниоткуда, надеясь вырвать у него ответы. Но он словно испарился, растворился в тумане времени, оставив лишь эхо страха. Больше его никто не видел, словно его и не существовало вовсе.

После исчезновения старика прошло немало времени. У родителей закралось подозрение, что я попала в дом вместе с ним, и поэтому нас не могут отыскать. Герман и Саня, ослеплённые неукоснительным исполнением своих обязанностей, упустили главное — не уберегли меня от обители, мимо которой не раз проходили и которую втайне ненавидели и боялись. В их сердцах поселилась уверенность, холодная и неотступная: старик явился не случайно, словно зловещий вестник, чтобы навсегда предать забвению надежду на возвращение дочери!

На робкие вопросы соседей пара отвечала уклончиво, прячась за маской горя, словно за щитом. И кто мог их осудить? Лишь их друзья, к которым гордыня не позволяла обратиться, хранили ключи от двери для моего возвращения. Они тешили себя слабой надеждой, что здравый смысл обладает, и я сама переступлю порог родного дома.

Я знала, что даже если вернусь домой через день или год, Герман и Саня попытаются отгородить меня от того самого дома, и уже навсегда!

Так тяжело хранить воспоминания о людях, которые проявляли хоть какое-то внимание и расположение. Герман и Сания не нуждались в похвале. Эгоистичные по отношению ко мне, они тяжело переживали моё исчезновение. Они знали о моём даре, о странной силе, и непредсказуем был исход, если эта сила продолжит накапливаться. В одиночку, как им казалось, мне не одолеть этой бездны.

С тех пор, как судьба забросила меня в дом Лионов, передо мной высились неприступные крепости неразрешимых задач. Бремя одиночества давило невыносимо, каждый шаг приходилось совершать в пустоте, без опоры и поддержки. Но даже сквозь печаль разногласий с обитателями этого странного дома, я стремилась выжать крупички мудрости из каждого прожитого дня. Я внимала чужим речам, словно жаждущий путник глотку воды, но последнее слово всегда оставалось за мной — чтобы горький привкус поражения не оставил за собой вины, обращённой к другим.

— Могу сказать точно, что лучшие уроки преподает сама жизнь. Она неспешно и дотошно определяет каждому свой путь, от младенчества до старости. Уроки её оплачены самой дорогой ценой — временем! — говорила Лина.

Теперь я понимаю, насколько она была права, как мудро рассуждала, будучи подростком.

— Знаешь, кто-то растрчивает драгоценные годы на тяжёлый труд, на семью, что не греет душу. Человек, словно скиталец, бредёт дорогами, далёкими от его истинного при-

звания, находя его лишь на закате дней. И каждый шаг до этого момента — пустой звук, ненужный ни небесам, ни его собственной душе! — с горечью выдохнула я подруге.

— Именно поэтому в бурлящем котле бытия, где все мы проживаем, так важно уловить тонкую нить смысла — в близости с родными, в преданности любимому делу, в нерушимой крепости семьи! Ведь без семьи мы — лишь песчинки, развеянные ветром времени! — страстно отвечала Лина.

— И все же... неужели Герману и Сании было предназначено судьбой стать моими приёмными родителями? — эта мысль билась в моей голове годами.

С тех пор как я пропала, из их дома начали исчезать вещи, в комнатах царил беспорядок, окна и двери оставались нараспашку. Происходили необъяснимые события. Герман и Сания не могли найти этому объяснения. Они обвиняли друг друга в моей пропаже. У них не было желания обсуждать ни поиски, ни то, как они поведут себя, если я вдруг вернусь. Они превратились в пылких и неуправляемых монстров, не желающих идти на уступки.

Каждый из них чувствовал, как тень их равнодушия легла на судьбу семьи, когда они пренебрегли мольбами дочери покинуть это место и обрести новый дом. У старших были свои причины оставаться, у Анны — свои мечты.

«Почему эта мысль не приходила мне в голову раньше?» — терзал себя мыслями Герман.

Признаться Сании в нарушении давнего запрета, ошибке,

что он совершил несколькими годами ранее, казалось непосильной задачей! Тяжесть забот ослепила его, заставив забыть о самой важной дороге жизни.

— Если бы я мог вернуть тот день, я бы всё изменил! — шептал он в пустоту.

Дела шли хуже некуда. Анна растворилась в воздухе, не оставив ни малейшего намёка на своё местонахождение. Герман и Саня ходили на острие ножа, в постоянном страхе, что о пропаже девочки узнают «важные» люди и сами, как стервятники, включатся в её поиски. Герман боялся невыносимого позора в глазах тех, кто и так методично отравлял его существование.

Родители Анны, надменные и гордые, как древние изваяния, были поглощены лишь одной, всепоглощающей целью — вернуть дочь домой. Эта цель превратилась в поле битвы, невидимой и оттого ещё более ненавистной, где Герман и Саня сражались друг с другом, не желая ни победы, ни поражения. Каждый танцевал свой танец вокруг костра страха, боясь быть отвергнутым, преданным анафеме.

Что же до меня... Инцидент с мадам Дюпон стал той самой искрой, что перевернула всю мою жизнь в этом доме. Слуги, прежде неприступные, вдруг стали снисходительны. С того дня на меня смотрели с нескрываемым любопытством, как на маленькую волшебницу, и жизнь разделилась на две неравные части. Первая — дивная, полная чудес и открытий, где я чувствовала себя повелительницей земли,

огня, воды и воздуха, вторая — нежеланная, ведь для всех, кроме четы Лион, я стала «маленькой ведьмой», и данный титул, словно шип розы, терзал всё моё естество.

— В каждом из вас дремлет искра волшебства, готовая вспыхнуть ярким пламенем, стоит лишь пробудить её. Неустанно работайте над собой, не позволяйте сомнениям сковать ваш полёт, и тогда ваше сокровенное «я» сделает из вас истинных творцов чудес! — с вдохновенным жаром наставлял Лион своих слуг, словно чародей, раскрывающий секреты мироздания.

Время с тех пор несло, унося меня все дальше от прежней жизни. Каждое мгновение было пропитано волшебством. Дом Лионов был настоящим оазисом улыбок, искреннего веселья и неподдельной радости. Их прекрасные дети, сотканные из любви отца и матери, были избалованными, но искренние в своём поведении. То нежные, словно клубки шёлка, котята, то гордые, с искрой в глазах, львицы — они вдыхали в дом саму жизнь, наполняя его солнечным смехом и тихим мурлыканьем счастья.

Прошло немало времени, прежде чем в доме появилась новая работница, та, что не знала покоя и не давала его другим. Возможно, я и рушила чьи-то планы, если это касалось моих недругов, но моё искреннее стремление угодить всем и сразу не оставляло мне времени для отдыха. И пусть этого не стоило делать, в тот момент я была именно такой — движимой неутолимым желанием творить добро!

В один из промозглых осенних вечеров, когда дом уже утопал в предсонной дрёме, я, словно тень, кралась по узкому коридору к своей комнате, а точнее, к обители Азазель. Работа в тот день вытащила из меня все силы, и уже к полудню я ощущала себя очень уставшей. Руки отказывались повиноваться, протестуя против бесконечного хоровода занавесей, которые мне предстояло выгладить и развесить по всему дому. Едва добравшись до двери, запертой на ключ — Азазель всегда чего-то боялась — я невольно подслушала взволнованный разговор трёх коллег, шептавшихся у дорающего камина.

— Что вы думаете о служанке Анне? — проговорил басом дворецкий.

Все трое были настолько поглощены мыслями обо мне, что ничего не замечали вокруг.

— Знаете, я повидал многое в своей жизни, но такой трудолюбивой девушки никогда не встречал. Она покладиста и довольно смышлена для своих лет! — ответил один из слуг.

— Именно, ты прав, друг мой! Она подозрительно молода и быстра! Успевает управиться со всей работой по огромному дому, да ещё и Азазель помогает. Но меня интересует иное: почему хозяин так её ценит? — спросил он, оглядываясь по сторонам, словно преступник.

Среди троицы пробежал ропот. Кто-то говорил о моём родстве с Лионом, будто я его племянница и Орлова при- ставлена следить за мной, кто-то твердил о снисходительно-

сти со стороны хозяйки, а кто-то вообще предположил, что я подкидыш, которого недавно нашли! Версий было множество, но никто не знал правды. Они спорили, как дети, и их возмущение было мне непонятно!

«Зачем всё это взрослым людям, ведь это моя жизнь?!» — думала я про себя.

Во мне вскипело отчаянное желание обратиться в тень, стать невидимой свидетельницей их лицемерия. Увидеть, как они, эти взрослые, источающие притворные улыбки, а за спиной плетущие паутину сплетен, сохраняют безмятежность сна! Случайно подслушанный разговор кольнул острее иглы, и я поклялась себе — сегодня же я выведу Азазель на откровенность.

Глава

Глава 10.

Зловещее знакомство

Весь день я провела в томительном ожидании. Каждая секунда казалась вечностью. Я механически выполняла домашние дела, пытаюсь отвлечься, но мысли так назойливо роились вокруг, что вскоре я почувствовала боль в голове.

— Что она скрывает? Кого она скрывает? Или, быть может, скрывает что-то более ужасное? — спрашивала я вслух.

Наконец, солнце начало клониться к закату. Когда она вошла в комнату, я постаралась выглядеть как можно беззаботнее.

— Как прошёл твой день? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Она ответила что-то невнятное, избегая взгляда. Сердце бешено заколотилось, и вот тогда я поняла: сейчас или никогда!

— Азазель, нам нужно поговорить, — произнесла я твёрдо, глядя ей прямо в глаза. — Я знаю, что ты что-то скрываешь от меня, и хочу знать правду.

Её лицо побледнело, но она молчала. Тишина давила, словно тяжёлый камень. Но я ждала, ждала ответа, который мог изменить всё.

— Чего ты ждёшь, Анна? — спросила Азазель.

— Ответа на вопрос! — тут же ответила я.

— Какого ответа? Я не знаю, о чём ты говоришь, — отрезала она.

— О хозяине, почему он себя так ведёт, и кто был тот Липон у прачечной, почему мне его остерегаться? — умоляюще спрашивала я.

Азазель молчала. В её молчании можно было уловить страх, но откуда он, она тоже не говорила.

— Анна, многого в этом доме чуждо тебе, много ты не знаешь пока что, и я прошу тебя набраться терпения, и увидишь, всё откроется тебе так же случайно, как та неожиданная встреча! — ответила спокойно Азазель.

Я поняла, что слишком воздействую на неё, и поэтому она так закрыта с откровениями. И тут же в голову прокралась мысль о том, что нужно оставить всё как есть!

— Я устала сегодня и хотела бы немного отдохнуть, с твоего позволения, — ответила она, словно просила оставить её в покое с расспросами.

Вопросов я больше не задавала своей подруге, потому что знала: плохого она не посоветует, и если говорит, что скоро всё будет, значит, так оно и есть.

Но почему так часто случается, что вчерашние счастливицы утопают в пучине отчаяния? Неужели участь человека, осыпанного дарами судьбы в определённую эпоху, столетие, — прожить жизнь в достатке — неизбежно влечёт за собой

горечь и печаль, словно тень, преследующую солнце? Ивана нельзя было обвинить в алчности. Напротив, его сердце было открыто для чужой беды, и он щедро делился своим достатком. Многие рабочие лесоперерабатывающего завода «Лион» были обязаны ему не просто работой, а надеждой на будущее, ведь именно он протянул им руку помощи не единожды, а на долгие годы, став для них не только работодателем, но и опорой в трудные времена.

Лион, погружённый в задумчивую беседу со своим новым счетоводом, бился над задачей, казавшейся непосильной: спасти угасающие искры жизни завода, перешедшего ему от деда. Тот же в предсмертный час, словно передавая эстафету судьбы, взял с Лиона клятву — во что бы то ни стало сохранить предприятие. Не ради прибыли, а ради людей, чьи жизни переплелись с судьбой завода: чтобы не голодали, не разбрелись в поисках призрачного благополучия, а крепили духом, укоренялись в родной земле и расширяли дело. Ведь этот завод, словно артерия, питал всю округу. Деревня процветала, щедро делясь лесными дарами. Любой, кто искал пристанища и работы, находил их под крышей дедовского наследия Лиона. И если до сих пор ни один человек не был отправлен восвояси, то лишь благодаря титаническим усилиям его хозяина. Сколько бы Лион — младший ни перебирал в уме возможностей, сколько бы решений ни примерял, выход, казалось, мог явиться лишь по велению неведомой силы, извне.

Лион был полон неукротимой жажды жизни и никак не мог предположить, что предательство обрушится на него так внезапно, словно удар грома среди безоблачного неба. Боль жгла огнём, опаляя душу, ведь её нанесли те, кому он безгранично доверял, с кем делил сокровенные мечты, с кем, казалось, был связан невидимыми нитями самой судьбы.

— И вот, когда цель так близка, жажда власти и алчность оказываются сильнее дружбы. Опускаешь голову, а на встречу уже несётся беда. В твоей власти лишь впустить её, но изгнать уже не сможешь, ибо гордыня почти всегда берёт верх! — наставлял Александр своего внука.

Теперь Ивану предстояло в одиночку выковать план спасения своего детища — завода, кормившего не только его семью, но и сотни других. От его решения зависела их дальнейшая судьба.

В то хмурое утро, когда небо словно примеряло серый саван, у дома Лиона замерла карета. Заляпанная грязью и какой-то мутной жижей, она казалась призраком, вынырнувшим из осеннего тумана. Издалека бросалась в глаза ядовитая желтизна глины, плотно облепившей колёса. Из кареты, словно тень, выскользнул мужчина, одетый с безупречной элегантностью, на удивление стройный и подтянутый. Серое пальто, высокая шляпа-цилиндр, начищенные до блеска сапоги до колен и плотно обмотанный вокруг шеи шарф — всё в нём кричало о достатке и холодной надменности.

Подойдя к двери, он постучал, внимательно разгляды-

вая окна, словно выискивая кого-то внутри. Мелькавшие за стёклами силуэты напоминали мошкар, летящую на свет, а в данном случае — на стук. Дворецкий, открывший дверь, едва не ахнул. Перед ним стоял хозяин, ну или очень похожий на него человек. Мужчина кивнул и прошёл вглубь дома, не спеша, медленно стягивая с себя шляпу и шарф, пальто он почему-то снимать не торопился, словно не собирался задерживаться надолго. Быстро сообразив, дворецкий сообщил, что хозяина нет дома, и предложил гостю подождать, пока за ним отправят с вестью.

Гость, в этот момент глядевший в окно, кивнул и добавил, чтобы за Иваном ехали как можно скорее. От его голоса дворецкий едва пошатнулся. Резко развернувшись, он вихрем помчался к задней части дома, где в сумраке двора ютились конюшни и прочие хозяйственные постройки.

Кучер, приученный к тишине ненастных дней, когда господа не тревожили его, безмятежно покоился на сене. Сон его был так глубок, что первое упоминание имени прозвучало словно далёкий шёпот ветра. Когда же имя прозвучало во второй раз, он востроился, словно разбуженный громом. В спешке, ослеплённый собственной торопливостью, он не заметил злостно нависшего седла и всей силой налетел на него головой. От внезапной боли кучер рухнул обратно в душистое сено, словно подрубленное дерево. Дворецкий, заворожённо наблюдавший за этим комичным пробуждением, едва сдерживал взрыв хохота. Бедняге, конечно, досталось, но он,

пошатываясь, поднялся, отодвинул злополучное седло пальцем левой руки, а правой начал усердно растирать саднивший лоб.

— Я понимаю, что вам сейчас не до поездок, но господин, приехавший меньше пяти минут назад, ждёт хозяина. Да поскорее! Так что седлайте коня и мчитесь во весь опор за господином Лионом, пока его странный двойник не пришёл в ярость от долгого ожидания! — выпалил дворецкий.

Кучер тут же повиновался.

Прошло около получаса томительного ожидания, прежде чем измученный и удручённый Лион, словно тень, возник на пороге своего дома. Его голова была полна забот о заводе, но сейчас его тревожил странный гость.

«Кто же этот человек и почему он приехал именно сейчас?» — спрашивал себя Лион.

Переступив порог и сняв промокшую верхнюю одежду, он поспешил поприветствовать детей, которые радостно бросились ему навстречу. Одарив их нежными окликаками, он направился в библиотеку, где его ждал гость. Подойдя к двери, Лион бесшумно вздохнул и потянулся к ручке. В этот момент из соседней комнаты, словно тень, вышла странная особа и, бросив на хозяина дома испуганный взгляд, скрылась в полумраке кухни, где коптили мясо.

Лион медленно открыл дверь, и каково же было его удивление, когда у камина, с чашкой чая в руках, он увидел своего двоюродного деда, ничуть не постаревшего, такого же

крепкого и сильного, каким он помнил его двадцать с лишним лет назад. Небольшие морщинки вокруг глаз и едва заметная седина в висках делали его ещё более красивым и статным, но ничуть не постаревшим.

Его осанка, выпрямленная до грациозности балетного танцора и затянутая в строгий сюртук, невольно напоминала Лиону его деда — того самого, что передал ему завод.

— Здравствуй, сын. Как же долго ты заставляешь себя ждать! — торопливо проговорил Григорий.

— Добро пожаловать, дед! И я рад тебя видеть, — произнёс Лион и, приблизившись, хотел было обнять старика.

Но тот, словно предчувствуя предстоящий разговор или поддавшись привычной нерешительности, из-за которой и остался в одиночестве, бесцеремонно отвернулся от племянника, делая вид, что ставит чашку на камин.

Лион остро почувствовал эту отстраненность. Его единственная близкая душа вдруг оказалась таким далёким и отстранённым, что грудь болезненно сжалась. Хозяин дома не показал, насколько его ранил этот жест, и с прежней тактичностью продолжил беседу, внутренне готовясь к новым проявлениям подобного отношения.

— Я приехал по делу, и прежде чем ты дашь мне ответ, хорошенько подумай, — начал Григорий.

Лион послушно кивнул, и в сердце закрался леденящий страх. Он всегда знал, что когда-нибудь наступит день, когда к нему придут с предложением продать завод или отдать его

«истинным» наследникам. И вот для него этот день настал!

Дед, словно танцуя, плавно опустился на обитый коричневой кожей диван. В его глазах плясал чудовищный, незнакомый Лиону огонь — словно там поселился чужой, злоеущий дух.

Лион успел это заметить и, устроившись напротив в своём любимом кресле, закинув ногу на ногу, приготовился к претензиям и упрёкам.

— Перейду сразу к делу, без расспросов о здоровье твоего потомства и жёнушки, а также о твоём самочувствии. Я вижу, у вас всё прекрасно! — начал старик свою заунывную песню, теребя в воздухе ботинок, словно собираясь его сбросить.

Лион поднял руку, прерывая этот поток недоброжелательности.

— Понимаю, дед, возможно, ты зол на меня или встал не с той ноги, но у меня не потомство, а дети, и не жёнушка, а жена — прекрасная и любимая. Я прошу тебя уважать их, потому что мои дети — это продолжение нашей фамилии, а моя жена — это мой выбор! — твёрдо произнёс Лион.

Злые глаза старика закатились от ярости. Лион не на шутку испугался, но продолжал упорно смотреть на родственника, ожидая подобный тон и продолжение лживого разговора. Не прошло и минуты, как Григорий вскочил, стряхнул пылинки с одежды и, с трудом переводя дыхание, заговорил, произнося слова, полные злого подтекста.

— Итак, много говорить не буду, но ты знаешь, что мне полагается часть завода, оставленная после смерти моего глупого брата, который никого не любил и никем не дорожил, кроме тебя! Ты должен понять: что бы ни случилось с заводом, я всё равно добьюсь, чтобы ты отдал мне половину его стоимости или целиком. И я пойду на всё ради этого! И прошу, не учи меня, как и кого называть. Как говорю, так и считаю нужным. И хотел бы заметить: такие родственники, как твои дети, мне не нужны, а такая жёнушка, как твоя... — он презрительно скривился.

Боль пронзила лицо Лиона, исказив его в гримасе муки. Мир съёжился до размеров этой невыносимой боли, заставив забыть о заводе, о собственном состоянии. Неужели тот, с кем он делил детские забавы, кто учил его держаться в седле, кто заменил ему давно ушедшего отца и деда, мог пасть так низко, совершить такую чудовищную жестокость?

— Григорий! Как ты смеешь так говорить о моей семье?! Прошло столько лет, и вдруг тебе понадобился завод или его часть? Ты вообще понимаешь, что говоришь?! Я столько сил вложил, чтобы он существовал! — голос Лиона взметнулся яростным пламенем.

— Да, и поэтому тебя ждёт неминуемый провал. Лион, ты потопил его! И знаешь, его спасёт только чудо! — процедил Григорий.

Лион был поражён: казалось, Григорий прочитал его мысли. Резкий тон старика смутил его.

В этот момент в дверь постучали. Лион был настолько зол, что жилы на его шее стали багровыми. Это выражало нескрываемую тревогу: слова, произнесённые его пусть и не родным, но дедом, причинили ему боль.

«Как он смеет?! С какой стати?! Ещё вчера в его глазах плескалось уважение к Анастасии, а... о детях он говорил с таким теплом! Что стряслось? Что за яд разъел его душу, превратив в злобного человека?» — терзался глава семьи, мечась в лабиринте собственных вопросов.

Мгновение спустя, словно робкая тень, в комнату вошла Анна с подносом в руках. Едва слышный стук в дверь предшествовал её появлению. Пальцы её, казалось, играли нервную трель на крае подноса — эхо доносившихся отсюда криков заставляло их предательски дрожать.

— Здравствуйте! Вы просили чай, — поздоровалась девушка.

Григорий, тяжело дыша, повернулся к Лиону, затем, сделав глубокий вдох, уставился на гостью.

— Кто вы? — тихо спросил он и, отступая назад, словно готовясь к прыжку, оперся рукой о камин.

— Горничная, — грубо ответила Анна.

В этот момент нечто вырвалось из груди Григория. Небольшое чёрное пятно поднялось, словно тень из-под его жилета, и направилось прямо к девушке.

Лион застыл в оцепенении.

— Что это было? Неужели мой дед... нет, этого не может

быть! — терзаясь догадками, спросил вполголоса Лион.

Словно хищная птица, он метнулся к Анне, заслонил её лицо ладонью и прошептал умоляющим, почти болезненным тоном, моля её немедленно выйти в коридор.

Анна, повинувшись, двинулась к двери, но Григорий каким-то непостижимым образом возник рядом, преграждая путь. Подняв на него взгляд, она вдруг ощутила ледящий холодок — за его спиной, в полумраке, проступил силуэт, смутно знакомый, словно призрак из давно забытых снов. Не решаясь верить своим глазам, она затаила дыхание, ожидая подтверждения, словно боясь спугнуть видение.

В коридоре творилось нечто странное. Весь персонал носился по дому, словно увидев привидение. Множество голосов наполнило зал, гул исходил из каждой комнаты. Клубы умиротворяющего дыма, словно от кадила, наполняли дом. В отдельных комнатах творилась настоящая вакханалия.

В этот момент дверь в библиотеку распахнулась, и в комнату влетела госпожа Орлова с испугом в глазах и вопросом к мужу.

— Лион, что за призрак бродит по нашему дому, вселяя ужас в сердца обитателей? Неужели у нас новая «гостья»? — прозвучал встревоженный голос Анастасии.

— Не тревожься, дорогая, я выясню, что происходит. Подожди снаружи, прошу, — отозвался Лион, в его голосе звучала натянутая нежность.

Анастасия исчезла, так и не удостоив Григория привет-

ствием. Поражённый её странным поведением, старик застыл в дверях, словно изваяние, боясь нарушить зловещую тишину.

— Отпусти девушку. Нам нужно поговорить наедине, и никаких шуток, — прозвучал спокойный, как лёд, голос Лиона-младшего.

— С какой стати? У меня к ней вопросы! — огрызнулся дед и, схватив Анну за локоть, потащил к камину, словно желая высмотреть все её тайны в отблесках пламени.

Я всё ещё молча стояла, не проявляя себя этому странному человеку, но была уверена, что время на моей стороне!

Глава

Глава 11.

Итоги власти

В камине с яростным треском вспыхнули дрова, разбрасывая искры и угольки по углам. В самом сердце огня, сквозь пляшущие языки пламени, пробивался терпкий запах сырой древесины, и вскоре комнату наполнил едкий дым. Дед продолжал держать меня за локоть, не собираясь отпустить. В какой-то момент, словно пелена спала с глаз, и я осознала: медлить больше нельзя!

Вырвав руку из его цепкой хватки, я развернулась к старику, и прошептала:

— Неужели вы не устали метаться в одном направлении, словно загнанный зверь, и выговариваться своему племяннику?

Глаза его, злобно скосившись к переносице, опасно сверкнули, обнажив бездну — истинное лицо, что скрывалось за маской учтивости, лишь одна из сотен теней, танцующих в глубине его естества.

Дым закружился вихрем. От едкого смога щипало глаза и саднило в горле. В следующее мгновение Лион, находившийся с нами в кабинете, начал задыхаться от кашля.

— Наконец-то я отчётливо слышу ваш голос, госпожа! —

промолвил дед с неожиданным спокойствием, словно ничего необычного не происходило.

В его голосе проскользнули нотки тревоги. Он резко повернулся к Лиону и произнёс:

— Нам нужно поговорить! Наедине!

Иван, лишь откашливаясь и ухмыляясь, повёл руками по сторонам.

Предчувствие чего — то злого закралось в сознание, и я, не задерживаясь в кабинете, вышла в коридор.

В ту же секунду, словно по мановению волшебной палочки, едкий дым рассеялся, оставив после себя лишь терпкий запах гари. У меня не оставалось ни малейшего сомнения: что всё это проделки деда.

«Но как он это сделал?» — недоумевала я про себя.

В коридоре царил прежний хаос. Все куда-то спешили, сталкиваясь друг с другом, бормоча бессвязные фразы и закатывая глаза к потолку.

В конце коридора, едва различимой сквозь клубы вновь сгустившегося дыма, я увидела Азазель. Она сидела неподвижно, устремив взгляд в пустоту. В её глазах застыла печаль, казалось, они наполнены слезами, и я поспешила к ней, желая понять причину её странного спокойствия и, возможно, слёз.

Из тёмного зева одной из комнат вихрем вырвалась юная Мария. Взгляд её метнулся ко мне, и она замерла, словно поражённая громом. На лице её застыла маска неподдельного,

первобытного ужаса... Я не могла понять, что так поразило или напугало девушку?

Время вдруг остановилось. Я отвернулась от неё, но тут же, из кабинета, который покинула минуту назад, донёсся душераздирающий вопль. Марии и след простыл, а я, обернувшись, бросилась обратно в кабинет. Едва коснувшись дверной ручки, я вдруг почувствовала, что кто-то тянется к ней в унисон со мной. Подняв глаза, я увидела Анастасию и Азазель. Их испуганные лица и бегающие в страхе глаза предвещали что-то ужасное, что-то, чего ещё не видел дом Лиона.

— Лучше пойдём с нами, не заходи в кабинет! — проговорила Азазель тоном, словно за дверью скрывалось чудовище.

— А как же хозяин?! Неужели я брошу его на произвол судьбы? — вырвалось у меня.

— Не вмешивайся, Анна, они сами разберутся, по-родственному! — ответила Анастасия, жмурясь от яркого света, исходявшего из открытой двери напротив.

— Нет уж, этот неугомонный дед может навредить хозяину! — возразила я и распахнула дверь.

За дверью разверзлась земля. Лион извивался на полу в агонии, его стоны разрывали тишину. Дед, словно каменный истукан, стоял рядом, с ледяным равнодушием перебирая пальцы, словно отсчитывая последние секунды его жизни. В стороне застыла незнакомая женщина, испепеляя ме-

ня взглядом, полным нескрываемого интереса к этой тёмной сцене.

В тот миг, словно по мановению невидимой руки, дремлющие силы внутри меня пробудились, расправляя крылья и обретая всю свою сокрушительную мощь. Я подлетела к старику и, схватив его обеими руками за колючий жилет, приподняла высоко над полом, глядя поверх его головы на ошеломлённую женщину, которая заворожённо наблюдала за этой поистине зрелищной картиной.

Она была так напугана, что ей оставалось лишь бежать той же дорогой, которой она проникла в дом, но, видимо, что-то вспомнив, осталась. Женщина боялась выдать себя, но и вмешиваться не решалась.

— Ну что, продолжите свои разглядывания или всё-таки спасёте своего компаньона? — спросила я тоном хозяйки.

От этих слов силы мои возросли. В меня словно вселилось что-то постороннее, ведь раньше, я никогда не испытывала ничего подобного.

Незнакомка приблизилась ко мне, словно плыла в ступе, и пролепетала тоненьким голоском:

— Не могли бы вы его отпустить? Он же старенький и больной старик!

«И даже если это так, зачем Григорий начал то, что можно было прекратить в секунду?» — подумала я.

Странная женщина вытянула шею, словно жираф. Её голова пронзила потолок, и, убедившись в окончании какого

— то дела на верхних этажах, её лицо вдруг омрачилось.

— С чего вдруг я должна его жалеть, если пару минут назад он держал меня за локоть настолько крепко, что, возможно, будет виден синяк? — проговорила я чужим голосом.

В тот же миг я подняла его почти над головой и отшвырнула в сторону, где он рухнул на комод с двумя фарфоровыми вазами и медными канделябрами, в которых догорали свечи.

Изумленные Азазель и Анастасия бросились к Лиону, а незнакомка — ко мне. Перехватив её руку, занесённую для пощёчины, я ответила ей толчком, от которого она колесом покатилась по полу.

В то же мгновение восставший из небытия старик не собирался отступать. Словно тень, он надвигался на меня с такой скоростью, где сам удивлённо скривил лицо.

— Кто ты такая?! — прорычал он, словно зверь, загнанный в угол.

Краем глаза я заметила смятение вокруг Лиона. Женщины, словно встревоженные птицы, окружили его, подтверждая мои худшие опасения — Лион ранен.

И тогда, движимая неведомой силой, я шагнула навстречу Григорию. Готовясь отразить очередной удар, я вдруг, не ожидая от себя самой, хлопнула в ладони. Звуковая волна, словно магический барьер, пронеслась по дому, мгновенно умирив царящий хаос. Всё замерло в оглушительной тишине.

Откуда взялась эта мысль, этот импульс, я не знала? Но результат был ошеломляющим и поистине волшебным.

Открыв глаза, я увидела удивлённых Азазель, Анастасию и лежащего на полу Лиона. Григорий и его спутница исчезли, словно их и не было.

Приблизившись к женщинам, в чьих глазах плескалось растерянное недоумение, я опустилась на колени, касаясь пола рядом с ними. Бережно перевернув Лиона, я увидела зияющую рану, из которой сочилась жидкость красного цвета. Закрыв глаза, я сплела пальцы в сложном, почти мистическом жесте, и в тот же миг алая струйка, казалось, повиновалась неведомой силе, замерла, оставив лишь багровую росу на коже.

— Но как такое возможно? Почему именно я? Что это за неведомая сила, что пульсирует во мне и откуда она взялась? — шептала я, утопая в водовороте неразрешимых вопросов.

Мужчина открыл глаза и встретился взглядом со своей женой. Она с натянутой улыбкой поспешила объяснить произошедшее, а затем бросилась обнимать его.

Лион медленно поднялся, за ним последовали его супруга и Азазель. В ту минуту мысли Азазель пронеслись криком в её душе:

«Ей нужно уйти, — твердила она себе, — почему хозяин держит её, зная правду?»

— Какую правду, Азазель? Или, может быть, вы расскажете мне? — обратилась я к Лиону.

Он замер, перестав моргать. Я увидела, как покраснели его щёки, что он жаждет что — то рассказать, но не может!

— Я не знаю, о чём, ты Анна! — резко ответил Лион.

— Вот уж не поверю! — отрезала я и, словно капризный ребенок, топнула ногой.

В коридоре повисла тишина, нарушаемая лишь мелодичным кукованием часов. Дом наполнялся умиротворением после того, как кошмар рассеялся как дым.

На мой вопрос ни Азазель, ни Лион ответа не дали, но были уверены, что он ещё повторится.

Григорий давно уже не играл важной роли в жизни Лиона, и тот решил навсегда вычеркнуть его из своей жизни. Лион вспомнил, что дед приходил за своей долей и, возможно, скоро ещё раз вернётся, и снова не один. За столь короткое время Григорий успел натворить немало глупостей, а его спутница настолько напугала Анастасию, что та ещё несколько дней пила чай с ромашкой и прикладывала холодные компрессы к голове. Её хрупкая натура не выдержала грубого натиска этих лицемерных людей, посеявших в доме смуту.

Стоит признать, Григорий был далёк от добра и любви. Он излучал разрушительную ненависть ко всему вокруг. Каждое его слово, походка и взгляд говорили о том, что старик либо сошёл с ума, либо связался с недобрыми людьми и их тёмными делами.

Лион предполагал, что его двоюродный дед просто нездоров. Ещё задолго до этих печальных событий он предлагал

ему отдохнуть на природе, под пение жаворонков и уханье сов, но Григорий был непреклонен и не желал слышать ни о каком отдыхе.

Через некоторое время, после всего произошедшего, дед снова явился к Лиону посреди ночи, как ни в чём не бывало, когда тот работал в кабинете. Он задумал преподнести племяннику сюрприз, словно луч солнца, ворвавшийся в серый день, — неожиданно навестить и скрасить его одиночество. Однако предвкушение встречи омрачалось знанием: Григорий, как всегда, погряз в пучине раздражения и тревог.

— Дед, расскажешь, что тебя тревожит? — спросил Лион, зевая и потягиваясь.

Григорий был поражён вопросом. Он приготовился к его укорам, предвкушая горький вкус осуждения за столь поздний визит и гнусное поведение.

— Меня ничего не тревожит, я просто хотел поговорить, мне больше не с кем! — почти умоляюще прозвучал голос старика.

Лион закатил глаза, понимая, что Григорий лукавит. Хотяин дома знал, что гость скоро попросит об одолжении, и решил подыграть ему.

— Дед, а может, останешься у нас? Утром пойдем рыбу ловить в нашем пруду, — предложил Лион.

— Нет, внучек, благодарю. Мне поговорить с тобой хотелось о...! — и глаза его сверкнули злым блеском.

Лион знал, что разговор сведётся к заводу и доле, которую

старик считает своим.

Гость вскочил на ноги и начал объяснять, как важен для него этот завод, сколько у него планов, какие мечты он бы реализовал, будь у него часть от него!

— Мне нечего тебе обещать, дед. Нужно разобраться с проблемами, а там посмотрим, — ответил Лион.

Лион отвернулся. Слова Григория показались ему настолько отвратительными, что продолжать разговор не было желания. Сделав шаг вперёд, он словно провалился на первый этаж, будто в полу была потайная дверь, ещё один выход. Григорий же остался один в дымке от тлеющих дров в камине. Слова внука звучали в его сознании словно приговор...

— Как же так, он оставил меня одного, да ещё и с отрицательным ответом?! — злился Григорий.

Он ждал ещё какое-то время, но усталость брала своё. Спустя какое — то время дед решил уйти через парадный вход, где на пороге его ждала служанка, спящая стоя. Она в полусонном состоянии открыла дверь и тут же закрыла её, не дотрагиваясь до ручки. Девушка, не прощаясь и не глядя вслед, захлопнула дверь и, словно призрак, проскользнула в свою комнату, уносясь в мир грёз.

Григорий же тем временем обдумывал, как доставить своему родственнику больше неприятностей, ведь он затаил на него злобу, а такие люди, как Григорий, никогда ничего не прощали.

ГЛАВА 12. Сказочное предложение

Моё спокойствие было пропитано иллюзиями. Чудеса, произошедшие в доме, не выходили у меня из головы. Я смотрела на себя со стороны и понимала, что не такая, как все. Я – другая!

Ещё одним подтверждением моей исключительности было иное ощущение жизни. Я чувствовала свою силу настолько глубоко, что не сомневалась: мой мир и мир других отличаются.

– Знаешь, Анна, ты словно наполняешься чистотой помыслов, и к тебе приходит ясность ума! Такие чувства человек испытывает лишь в гармонии с собой и миром. Твои мысли созвучны тому времени, когда юность требует действия, напора, решительности... Нужно брать от жизни всё до последней капли! – однажды заметил Лион служанке за обеденным столом.

"Я хотела жить, жить для себя, для чудесных людей, населявших этот прекрасный дом, умеющих радоваться всему вокруг. Ведь то, что я увидела в себе, было поистине чудесно, и моё окружение также чувствует это!" – думала я.

Азазель... Моя фея, мой верный друг, родственная душа, с которой хотелось делиться каждой мыслью. Она не заняла место Лины в моём сердце, но ей я могла доверить любую тайну, любую тревогу, зная, что она сделает для меня

всё, что в её силах, и даже больше. Азазель дарила надежду там, где, казалось, всё потеряно безвозвратно. Она развеивала мои тревоги и страхи, превращая их в пыль, не давая им ни единого шанса на возвращение.

Многие в доме жаждали её внимания, но эта колючая душа, словно неприступный кактус, воздвигла вокруг себя невидимую стену, никого не подпуская в свой внутренний сад. Она ошетикивалась иглами перед каждым, кто пытался сделать первый шаг. Но, приглядевшись внимательнее к этой таинственной девушке, невозможно было не заметить её боль – непонятную и явную. Казалось, кровоточащая рана никогда не затянется, а обида, кричащая во всё горло, не замолчит.

Азазель была крайне молчалива. Она проводила время за рукоделием, которое недавно освоила, или с детьми, заботясь о них и увлекаясь играми. Работа стала для неё страстью, способом убежать от реальности.

Однажды, манящим жестом подозвав к себе, она вложила мне в ладонь ключ. Он казался легким, почти игрушечным, но ощутимо увесистым, словно таил в себе бремя невысказанных тайн.

– Держи. Когда душа запросит откровений или сердце попытается поделиться сокровенным, я буду ждать тебя у себя, в кабинете домового! – промурлыкав это, словно маленькая волшебница, она озорно хихикнула и растаяла в воздухе.

Мне выделили комнату рядом с детской. Я часто навеща-

ла малышей по ночам, напевая им колыбельные, под которые они сладко засыпали, что не могло не радовать Анастасию. Однако меня часто тянуло к Азазели, в её странную и неудобную обитель, которая, честно говоря, не привлекала ни внешне, ни внутренне – тёмная, скучная на первый взгляд и сырая.

Азазель не искала в подруге наставлений или помощи. Она была старше, и вопросы исходили, скорее, от меня. Порой мне казалось, что она совершенно не интересуется никем из своего окружения, но я ошибалась. Азазель узнавала об интересующем её человеке всё, что ей было необходимо. Как ей это удавалось, оставалось секретом, но было очевидно, что за жизнью Азазель скрывается нечто магическое. Быть может, она – тайная жрица печали семьи Лион?

Дом был крепким и теплым – крепче любой скалы и теплее любой печи. Жаркие беседы велись лишь на кухне, и Азазель втягивала меня в ауру загадочности и интереса.

Порой время стремительно пролетало мимо, то тянулось медленно, словно его растягивали, замирая надолго. Для меня это были самые длинные недели. Попытки узнать подробности о детях Лиона от кого-либо из прислуги заканчивались провалом. Все молчали, словно воды в рот набрали. Любые разговоры о доме и хозяине, особенно о двойнике Лиона, обрывались молчанием. Весь персонал сговорился против меня, не желая, чтобы я узнала то, что, казалось, знали все.

Пролетело ещё какое-то время, и в конце октября в жизни

Анны начали происходить значительные перемены.

Как-то утром Лион попросил девушку немедленно зайти в его кабинет. Она переглянулась с Азазелью и вопросительно пожала плечами. Та лишь удивлённо вскинула брови. Анна быстро вскочила, разгладила рукой платье и помятый фартук (гладить его совсем не было времени) и в один миг оказалась у порога кабинета. Несколько минут она простояла у двери, собираясь с мыслями, и, переведя дух, потянулась к ручке.

– Войдите! – услышала я женский голос.

"Видимо, произошло что-то серьёзное, раз Анастасия в кабинете!" – подумала я.

Войдя в кабинет, я увидела двух взрослых людей, сидящих в креслах друг напротив друга. Перед их глазами парили книги, которые они читали. Я удивилась, хотя видела явления и чудеснее, от которых слова застыли на языке. До меня долетали обрывки фраз:

– Листай дальше! – произносили то Орлова, то её супруг.

Они повторяли эти слова одинаково, с похожими голосами, тембром и интонацией. Казалось, это говорит один и тот же человек.

Прошло несколько минут, и Лион торопливо захлопнул книгу. Вслед за супругом примеру последовала и Орлова, что-то бормоча себе под нос. В глазах обоих читалась некая неуверенность, и причину этой тревоги я пока не понимала.

– Мы хотели бы узнать твой ответ, Анна. Есть ли у тебя

желание поехать с нами в длительное путешествие? – начала она.

От такого предложения я словно парила в облаках, вне себя от радости, хотя и не показала этого.

– Конечно, согласна, госпожа! Как я могу отказаться от такого предложения? – воскликнула я.

– С нами поедет ещё один человек, но не тревожься, ты хорошо её знаешь! – медленно произнёс Лион, и глаза его заблестели.

– Чудесно! И кто же это? – нетерпеливо спросила я.

Лион и его супруга переглянулись. В их глазах зажглись искорки. Было видно, что это станет для нас подарком.

– Это Азазель. Она поедет с нами! Мы знаем, что вы хорошо подружились, так что вам не будет скучно, да и за детьми будет проще присматривать. Нам будет спокойнее, а вам – веселее! – ответила Анастасия.

Я замерла, поражённая неожиданным предложением, и, хотя Азазель ещё не знала об этом, я не сомневалась, что новость её тоже сказочно обрадует.

– Это восхитительно! – подпрыгнула я от восторга.

– О нашей чудесной поездке в солнечную или заснеженную Италию Азазель ты расскажешь сама. Мы с Анастасией предоставляем тебе эту возможность! – торжественно объявил Лион.

В тот день меня словно подхватило вихрем восторга, и я парила на крыльях, отказываясь верить своим ушам. Аза-

зель не просто обрадовалась – она искрилась счастьем! Мы, как дети, резвились в бушующем море ликования, захлёбываясь от переполняющих нас чувств. После такого фейерверка эмоций, остаток дня прошёл в тихой дымке приятного послевкусия.

Время стало тянуться медленнее, и странная усталость к девяти вечера, словно бремя прожитого дня навалилось всем своим грузом на меня. Выйдя из комнаты, где я беседовала со служанкой о её повреждённой руке, я почувствовала непреодолимое желание прилечь. Не знаю, чем объяснить такую сонливость, но сон словно окутывал меня со всех сторон.

– Куда это ты так торопишься, Анна? – окликнул меня садовник, готовивший инвентарь к утру.

– Хотела бы подумать в тишине! – ответила я.

– На большой диван? – усмехнулся он.

Я утвердительно кивнула. Это было любимое место отдыха почти всего персонала. Там мысли успокаивались и приходили в порядок. Садовник покачал головой и направился в сторону кухни, откуда можно было попасть на конюшню и к садовой утвари. Я же пошла в зал, где стоял огромный мягкий диван, обитый кожей цвета слоновой кости, изогнутый полукругом. Я присела и, словно в мягком кресле-качалке, провалилась в глубокий сон.

В одно мгновение всё изменилось. Мне снилось, будто одним вечером я увидела в окнах зала огненных коней, запря-

жённных в карету необычного цвета. Не каждый день увидишь таких огненных, в прямом смысле слова, лошадей. Из кареты поспешно вышла высокая, худая женщина с прекрасными чертами лица. В руках она держала вязание – бордово-алый шарф. Женщина была одета изысканно, но от неё исходил резкий запах дёгтя. По мере приближения к дому цвет шарфа менялся, и, когда она достигла крыльца, он стал жёлто-оранжевым. Я чувствовала её пронизывающий, жёсткий взгляд. Словно сквозь пелену тумана, я уловила отголосок её мыслей: к последним лучам заката шарф должен обрести изумрудный оттенок, иначе тень неминуемой беды нависнет над домом.

С невероятной скоростью она принялась вязать, перебирая петли с поразительной ловкостью. Неведомая сила вдруг повлекла меня к выходу, к огромной дубовой двери, украшенной изображением орлов, сжимающих в когтях змей. Первое, что я увидела, стоя лицом к лицу с орлами, – по две горящие звезды на их головах. На шеях висели цепи, а в цепях – небольшие подковы. Когда я подошла к двери, головы орлов зашевелились, змеи зашипели и стали бросаться на меня, разбрызгивая свой яд. В этот момент я услышала голоса. Самым отчётливым был голос Лиона, настойчиво твердившего, чтобы я повернула правую подкову, что я и сделала.

В ту же секунду вокруг меня засверкали молнии, над головой сгустилась тьма, а в ушах раздался оглушительный грохот. Обернувшись, я увидела, как глаза женщины, устрем-

лённые на меня, начали менять форму. Они вытянулись в узкие щёлочки, зрачки исчезли, оставив лишь чёрные пятна. Сначала я не поняла, что происходит, но потом услышала, как женщина произносит слова на странном, непонятном языке.

– Начинается! – крикнула она во весь голос.

От этого крика у меня зазвенело в ушах. Лион, стоявший неподалёку, бросился в нашу сторону.

– Кто она? Кто этот человек, ждущий счастья, но так и не получивший его?! – твердила женщина.

– Не надо этого делать! Она ещё совсем ребёнок! – возразил Лион.

– Ничуть не согласна! Ты нарушил все четыре правила! Я обязана отправить её обратно! – продолжала та.

– Я виноват и признаю это, но она не должна пострадать! – крикнул Лион так, что мышцы на его шее напряглись.

Над головой поднялся гигантский ураган. Казалось, что в мгновение ока все вокруг окажется под его колпаком. Раскаты грома и необъятный круг из дыма и тумана опускались всё ниже и ниже, являя свою мощь. Всё вокруг потемнело, и двое слуг, случайно оказавшихся рядом, вдруг исчезли. Не знаю почему, но я подняла обе руки ладонями вверх, словно защищаясь от страшного навеса.

Не успела я моргнуть, как оказалась внутри бездны. Бесконечные круговые движения, как в водовороте, не прекращались ни на миг. Голова кружилась, и я осознала, что попа-

ла в какой-то другой мир. Стихия играла свою колыбельную, с каждым движением убаюкивая меня и погружая в сон.

— Анна, ты что, уснула? — услышала я голос хохочущего мужчины.

То был садовник, вернувшийся с конюшни и заметив меня спящей, словно одержимый неким предчувствием, счёл своим долгом разбудить меня и выспросить, что мне привиделось во сне, будто от этого зависела его судьба. Ответ он так и не получил, потому что к этому моменту я уже встала, потянулась, словно кошка, и, нащупав ногами свою обувь, направилась в свою комнату, где меня ждала удобная кровать. О сне я почти забыла, но защита Лиона, как во сне, так и наяву, была очевидна.

Время летело быстро, дни сменялись днями, и я буквально отсчитывала их. Всё стремительней приближался день нашего отъезда. Все бегали, суеились, отдавали указания, а кто-то молча выполнял свою работу. Робкий шёпот о том, что я буду сопровождать чету Лионов с детьми, никого не удивил. Все и так знали об особом расположении семьи ко мне. Всё шло тихо и гладко, и, как говорят, затишье всегда заканчивается бурей. Так и произошло с нами.

Перед тем, как рассказать о дальнейших событиях, хотелось бы ещё раз упомянуть двоюродного дедушку Лиона, Григория. Дед сильно изменился внутренне, стал более жёстким и невежливым. Племянник это чувствовал, но молчал. Григорий тоже понимал, что никогда не позволил бы себе

такого отношения к Ивану и его семье. Но времена меняются, меняется круг общения, и за время, что внук и дед жили порознь, многое изменилось.

– Два дня назад один из конюхов видел, как дед за домом за кем-то наблюдал! – сообщила Азазель хозяйке дома.

От этих слов женщину пробрала дрожь. Зная, что старик – воплощение зла, она поспешно обратилась к Лиону:

– Я согласна, Иван! Стена – наша единственная надежда. Мы должны возвести её как можно скорее!

Лион, не произнеся ни слова, лишь едва заметно кивнул, уходя в омут глубоких раздумий, погрузился в бездонную пучину.

Тень сомнения закрадывалась в его сердце. Он не хотел верить, что дед способен на злодеяния, но мысль о защитной стене не покидала его.

Весть об этом решении вызвала всеобщую тревогу. Орлова, охваченная страхом перед неугомонным и странным стариком, запретила детям приближаться к лужайке.

В долгожданный день начала строительства разразилась беда – крыльцо дома вспыхнуло пламенем. В тот момент никого поблизости не было, все были заняты приёмом гостей, которых Лион так долго ждал.

Подозрения вновь пали на Григория, чьему коварству не было предела. И словно подтверждая худшие опасения, участились визиты его супруги Линды – женщины столь же загадочной и лживой. Её красота была обманчива: белокурые

волосы цвета спелой ржи и чёрные, как смоль, глаза, в глубине которых таилась тьма, не могли остаться незамеченными.

Их жажда мести племяннику была всепоглощающей, толкающей супругов на самые отчаянные поступки.

– Мсть превращает человека в бездушную оболочку, одержимую лишь одной целью – творить зло. Такие люди, как Григорий, будут мстить до тех пор, пока их коварный план не воплотится в жизнь или пока их злоба не обернётся против них самих! – как-то сказал мне хозяин дома.

ГЛАВА 13. Путешествие Сании и Германа

После тщетных поисков Анны, когда надежда начала таять, словно первый снег, родители, с тяжёлым сердцем, решились на крайний шаг – сообщить о пропаже "главному". Не столько отчаянная тревога за дочь, сколько гнетущая тишина, безжалостно повисшая в воздухе, терзала их вопросом: почему Анна молчит?

"Неужели этот зачарованный дом, средоточие тайн, способен поглотить её, не оставив и следа?" – прошептала Сания, обращаясь мысленно к себе.

Но ответа не последовало, лишь тишина, эхом отозвавшаяся от пустых стен их дома, плотно сковала её сердце злобой.

Время тянулось мучительно долго, при этом родители Анны не сдавались. Лишь они знали истинную причину её исчезновения и терпеливо ждали помощи из ниоткуда.

Однажды весенним днём, предположительно в начале мая, Герман и Сания отправились в соседний городок, чтобы хоть как-то избавиться от назойливых соседей, преследовавших их по пятам. Но истинная причина этой поездки была другая – им нужно было выиграть время...

С особо любопытными друзьями Герман и Сания делились вымышленными историями. Их невозмутимость, с ко-

торой они относились к исчезновению Анны, не могла не насторожить близких друзей, которым они не доверяли, и соседей. Они часто навещали к ним, дотошно расспрашивали и щедро раздавали советы. Для родителей это было настоящей пыткой: они не привыкли к такому вниманию и не собирались мириться с подобным укладом жизни.

Вскоре Герман и Саня внезапно исчезли, оставив на попечение соседям своего друга Инди, большого чёрного кота. Кот был уже не молод, но, несмотря на почтенный возраст и небольшую хромоту, он всё ещё любил бегать и резвиться. Видимо, когда-то, убегая от сородичей, он повредил лапу, и она неправильно срослась, и по стуку когтей хромой лапки, словно от копытца маленькой лошадки, можно было узнать о его возвращении домой и желании что-нибудь отведать.

– Что могло заставить их уехать именно сейчас?! – спрашивала соседка Тамара у другой, Иды, пышнотелой и добродушной женщины лет сорока пяти, с неизменной улыбкой на лице.

Как и полагалось скрытной семье, вроде моей, моим родителям понадобилось всего несколько минут, чтобы собраться в столь длительное путешествие, к которому они готовились со дня моего исчезновения. Надежда на моё возвращение ещё не угасла, но Герман и Саня понимали, что нужно действовать, чтобы не вызвать подозрений и "по-хорошему" вернуть меня обратно.

Приехав в город, прежде знакомый мне лишь по отцов-

ским преданиям, родители обрели приют в скромном домике, затерянном на самой дальней его окраине. Дом был окружён густой зеленью, а неподалёку располагался небольшой водоём. Неброская скамейка у дома и клумба с разнообразием цветов создавали уют и дарили спокойствие их обитателям. За буйной растительностью дом словно утопал: величественные ели, кудрявые берёзы и благоухающая липа скрывали убогость их временного пристанища. По утрам воздух наполнялся птичьими трелями, а по вечерам в ночном небе кружили летучие мыши, издавая пронзительный писк в поисках добычи.

Первым делом родители принялись созывать своих коллег – состоявшихся чародеев и магов. Они приходили группами по четыре человека, и среди них обязательно была женщина. В планах Германа и Сании было как можно скорее начать поиски дочери – самостоятельно или вместе с верными друзьями, готовыми прийти на помощь.

Начало месяца было очень интересным для родителей. Герман и Сания решили начать своё удивительное и необходимое путешествие, которое в данный момент должно было помочь им вернуть дочь. Собравшись с духом, они отправились к своему "главному", который уже несколько лет отказывал им в этой возможности.

– Может быть, на этот раз нам повезёт, ведь на работе наверняка уже знают, что Анна исчезла! – с тревогой в голосе произнесла Сания.

– Возможно, но в рукаве у меня припрятан хват на случай повторного отказа! – Герман придвинулся ближе, и его дыхание коснулось уха жены, когда он начал шептать ей свой секретный план.

Сания вздрогнула и, в упор глядя на Германа, проговорила:

– А если нас поймают, ты понимаешь, что с нами тогда будет?!

– Да, дорогая, я отдаю себе отчёт в том, что может произойти! – ответил Герман и, сплюнув через плечо, занялся приготовлениями к путешествию.

Герман всегда тщательно планировал свои действия, особенно когда дело касалось работы. Его страхи таяли, словно дым, при одной мысли о путешествии в миры, которые он боготворил, считая их своей находкой. Это были поистине бесценные места, лакомый кусочек как для Германа, так и для других, менее благородных магов. Все его яркие замыслы могли воплотиться в реальность в мгновение ока, стоило лишь его скромным способностям, усиленным помощью "главного", увенчаться успехом.

В сумраке собрались около двадцати юных душ, объединенных трепетным волнением. Им предстояло исполнить древний обряд, скреплённый таинственным документом, в котором гласило:

«Кто откроет сей ларец, тот найдёт то, чего в этой жизни нет».

И каждый, словно повинуюсь зову крови, должен был начертать эти слова на пергаменте. Багряные чернила, благоухающие пьянящей хвоей, ложились под пером, рождая обещание. Личная печать, словно клеймо судьбы, ставилась в знак искренности намерений. Сложенные вчетверо послания передавались главному жрецу, хранителю тайны. И горе тому, чей лист оказывался чист – он немедля объявлялся чужаком, изгоем, навеки лишённым права на причастие к сокровенному.

Виновного же без промедления отправляли в крепость, затерянную среди океана, где подвергали изощрённым пыткам насекомыми и пресмыкающимися, а самых строптивых скармливали акулам диковинных расцветок и чудовищных размеров.

Когда приготовления были завершены, старейшины прекращали церемонию избрания новой плеяды чародеев, которым предстояло отправиться в путешествие.

Пусть и не юные, своей очереди они дождались лишь сейчас.

– О, какое это восхитительное предвкушение, быть рядом с вами и понимать, что мы готовы! – язвительно протянул Герман.

Их “главному” льстили эти слова, но он и представить себе не мог, к чему вскоре приведёт его доверчивость.

– Вы же понимаете, что сейчас или никогда я вверю вам будущее?! Ведь только вы вдвоём из старой группы остались

без путешествия? – спросил "главный".

Сания небрежно улыбнулась, Герман же утвердительно кивнул. Казалось бы, чего ещё желать двум взрослым, состоявшимся людям?!

– Конечно, мы всё понимаем и благодарим вас за ваше уважение и расположение к нам! – ответила Сания, избегая взгляда "главного".

Она никогда не смотрела ему в глаза! То ли из страха, то ли от волнения, но когда Герман заговаривал, она умолкала, будто тень, и взгляд её, блуждая где-то в пыльном направлении, становился непроницаемым, словно затянутое дымкой озеро.

Итак, Герман и Сания, воодушевлённые своим "главным магом" на неизведанное, двинулись в путь, начинавшийся столь необычно...

На самой границе Эльса, там, где городские постройки робко уступали натиску дикой природы, притаился странный клочок земли. Идеальный круг, словно вычерченный рукой неизвестного существа, был обрамлен кольцом лиственниц и исполинских секвой, чей возраст казался немыслимым. Гости этого места, словно тени, застыли на пороге неизведанного, смешные в своей нерешительности и робком страхе.

Дремучий лес, словно оберегая тайну, не кишел крупным зверьём, лишь пение птиц и шелест листьев от заячьих лапок нарушали тишину.

Встав по одному в каждый угол воображаемого квадрата, следовало раствориться в безмолвии, отбросив прочь суету мыслей и бурю чувств. Затем старейшины из числа собравшихся, их голоса, хриплые от прожитых лет, возносили молитву на забытом, непонятном наречии. И если каждый из четверых достигал той заветной безмятежности, когда разум становится чистым, как горный хрусталь, группа из четырех человек растворялась в воздухе, бесследно исчезала.

Забегая вперед: пути назад для этой четвёрки не существовало. Они должны были сами проложить тропу к возвращению. Но стоило им оступиться, преступить незримую черту, нарушить неписанные условия, как они навсегда пленялись тем временем, куда их забросило. Ибо целью их паломничества было пополнение рядов общины, чьей миссией провозглашалось очищение мира от скверны лжи и зла. Главные жрецы с фанатичным блеском в глазах вменяли эту установку новоиспечённым странникам, хотя сами, в тайниках своих душ, прекрасно сознавали всю её лицемерную фальшь!

В нашем мире, пронизанном таинственными нитями, плетущими гобелен измерений, существует множество способов переступить порог реальности. И вот, прибыв на место, родители и их друзья принялись за приготовления. Небо было безупречно чистым, ни единого облачка. Луна, огромная и невыразимо холодная, царила в вышине, маня своей леденящей красотой. Её серебристый свет словно гипнотизиро-

вал, но для Германа и Сании луна оставалась лишь недостижимой мечтой, ведь на её сияющие просторы отправлялись лишь самые опытные и искусные путешественники.

В лабиринте возможностей возвращения компания отчаянно искала спасительную нить. Но каждая попытка разбивалась о стену отчаяния, и если они застрянут в плену чуждого времени и не смогут найти верный путь домой, их ждёт мрачная и беспощадная участь. И только моих родителей не тяготила мысль о возвращении в родные пенаты. Их желание разыскать меня было настолько велико, что они готовы были пожертвовать всем ради этого предприятия.

И вот настал решающий момент. Четверо, застыв на своих местах, погрузились в омут собственных дум. Адам мечтал о долгожданном исцелении, Микаэль – о вечной молодости, а родители Анны грезили лишь об одном: отыскать дочь и, по возможности, вернуться с ней обратно. Это было их единственным желанием, их заветной мечтой...

Во время чтения мантры все собравшиеся почувствовали легкую дрожь земли. Затем она усилилась. К концу речи жрецов со стороны луны внезапно появился луч. Он был настолько ярким, что Адам невольно приоткрыл глаза, и его отбросило на три-четыре метра от группы. Великий жрец, безмолвный и непреклонный, лишь указал перстом на виновного. В тот же миг стражник, словно тень, набросил на его шею странное ожерелье из волчьих клыков, и в следующее мгновение несчастный растворился в воздухе, словно

его и не было.

Луч бил всё яростнее, словно стремясь выжечь саму ткань реальности. За долю секунды до того, как свет поглотил их, родители Анны, словно сговорившись, прокричали одно слово, эхом разорвавшее тишину: «Таверна!».

Голоса их были полны такой силы и отчаяния, что даже закалённый в молитвах жрец не смог сдержать изумлённого возгласа. В следующее мгновение луч сомкнулся над троицей, и они исчезли, словно во времени.

Лицо жреца застыло в гримасе, достойной кисти самого Босха. Казалось, сама вечность отразилась в его расширившихся зрачках. Забыв о приличиях, он бросился к своей бархатной сумочке, где покоились священные пергаменты. В Микаеле он не сомневался ни секунды, но сейчас его руки, трепещущие, словно пойманные бабочки, лихорадочно разворачивали два других, испещрённых письменами, листа. Из приоткрытого рта вырвался лишь сдавленный звук:

– Брррр...

В одно мгновение до него дошло: у родителей Анны был совсем другой план, дерзкий и немыслимый, и он сработал.

«Как я мог быть таким слепым, таким самонадеянным, что не разглядел обмана?» – мысль пронзила его сознание, словно осколок льда.

Ярость, клокотавшая в груди, начала прорываться наружу, словно лава из вулкана, готовая испепелить всё на своем пути. Внутренний пожар угрожал поглотить его целиком,

выжигая остатки самообладания, начал вырываться наружу в виде пузырей.

Он становился прозрачным от осознания собственной оплошности. Ведь такого за всё время его правления ещё не случилось! В мгновение ока жрец испарился, не оставив после себя ничего, кроме зыбкого, пульсирующего пузыря, словно живого и дышащего. Такова была кара за неверно исполненный обряд: растворение в самой ткани бытия, вечное заключение в эфемерной оболочке.

И вот, спустя какие-то мгновения, мои родители неслись по туннелю, длинному, как сама вечность. Перед их глазами проносились бескрайние просторы, голоса незнакомых людей, рычание, крики, стоны, плач. Бесконечные голоса не умолкали ни на секунду. Вдруг раздался непонятный щелчок, и они открыли глаза.

Вокруг оказалось множество стульев и столов. Неподалеку сидели люди и оживленно беседовали. Заметив странных путников, они начали шептаться, зловеще и настойчиво, словно рой ос в душном летнем полдне. Шёпот нарастал, пока не превратился в оглушительный гул, заставив родителей невольно зажать уши, словно спасаясь от невидимого роя.

– Зачем так громко?! – вырвалось у Сании.

– Не знаю, но мне кажется, они шепчутся о нас, как думаешь? – прошептал Герман в ответ, испуганно оглядываясь.

Мать хранила молчание, предчувствуя недоброе, словно тень надвигающейся бури.

– Нужно спешить, иначе нам не избежать беды! Герман, я к тебе обращаюсь! – властно позвала она супруга и, щёлкнув пальцами, словно гася искру, оба растворились в воздухе.

Прошло буквально несколько минут, прежде чем к странной группе присоединился ещё один, не менее странный человек или некто похожий на него.

– Они были здесь, сидели друг против друга, вот на этом самом месте! – произнёс высокий мужчина с тщательно подстриженной бородкой, его голос звучал резко и отрывисто.

– Да, верно, именно здесь они шептались... – подтвердил его компаньон, словно ставя точку в его зловещих словах.

– Продолжайте поиски и не спускайте глаз с часов! – приказал мужчина тоном, не терпящим возражений.

Лицо его скрывал глубокий капюшон, но даже в полумраке чувствовалась исходящая от него угроза. Было ясно, что он не шутит и полон решимости отыскать тех, кто дерзнул нарушить протокол.

ГЛАВА 14. История Джима

Тем временем я с головой погрузилась в приготовления к путешествию. За несколько дней до отъезда почти все домашние дела были завершены: чемоданы упакованы, кареты приведены в порядок, слугам отданы все необходимые распоряжения. Мне оставалось лишь зажечь в дорогу смиРНУ, воскуривавшуюся над тлеющей свечой под старинным чайником. Несмотря на запас времени, меня неудержимо влекло к этому маленькому огоньку. Почему-то его мерцание придавало мне сил и успокаивало встревоженную душу.

Подойдя к камину, где дрова лениво пожирались пламенем, я поднесла свечу к угольку. И тут меня поразило странное зрелище: от свечи тянулась тонкая струйка дыма, которая, извиваясь причудливыми движениями, начала вырисовывать в воздухе силуэт мужчины. В этом призрачном образе я с ужасом узнала Григория.

"Но почему именно он?" – промелькнуло в голове.

– А потому, что Григорий ищет тебя! – прозвучал вкрадчивый голос.

Я резко обернулась. В комнате, кроме меня, никого не было. Ведь я вошла, отперев дверь своим ключом. И если бы это была Азазель, она бы вряд ли стала прятаться по углам.

– Кто здесь? – робко спросила я.

– Григорий ищет тебя, будь осторожна! – повторил голос,

словно эхо из потустороннего мира.

Я молчала, ощущая, что в этой ситуации что-то не так. Либо мне почудилось, либо пора прекратить играть в магию, пока она не сыграла со мной злую шутку.

– Может, вы покажетесь? Я бы хотела вас поблагодарить!
– настойчиво предложила я.

Прошли томительные минуты ожидания, тянувшиеся словно вечность. В комнате царила такая звенящая тишина, что любой резкий звук заставил бы сердце бешено заколотиться.

Наконец, я поняла, что мой таинственный благодетель не намерен являться. Множество мыслей закружились в голове, и я решила уйти. Дверь была приоткрыта, но стоило мне потянуться к ручке, чтобы распахнуть её, как она с громким хлопком захлопнулась прямо перед моим носом. Я попыталась открыть её снова, но она словно не разрешала уйти, отказываясь повиноваться.

"Звать на помощь? Ни за что, опять начнутся разговоры, только всё успокоилось! Скоро придёт Азазель, она-то меня и спасет!" – подумала я, и на лице появилась слабая улыбка надежды.

– Куда же ты собралась? Мы ещё не закончили наш разговор! – вдруг раздался за спиной громкий бас.

Медленно повернувшись на голос, я увидела высокого мужчину, облаченного в нелепый балахон, словно на него накинули мешок. Возможно, это и был мешок, но спраши-

вать я не осмелилась. Он был худощав, среднего роста, с русыми волосами и необычными глазами. Его глаза были так глубоко посажены в глазницы, что казались нарисованными. Я слегка пошатнулась, ведь мне никогда прежде не доводилось видеть столь странное лицо.

– А вы кто и что делаете в моей комнате?! – спросила я, стараясь скрыть испуг.

– Я Дымок! Пришел помочь и уберечь от грозного деда Григория. Я к вам... – начал он, но запнулся.

– Стойте! – резко остановила я его.

От моего тона он отшатнулся назад, хотя и не выглядел робким. Он приоткрыл рот от удивления и часто-часто заморгал.

– Как вы посмели явиться ко мне в комнату и говорить, что пришли уберечь от старика? Наверное, вас кто-то подослал для моей защиты или, наоборот?! – спросила я на одном дыхании.

Дымок замолчал. По его взгляду было ясно, что ему строго запрещено говорить об этом.

"Но к чему такие секреты?!" – думала я, пытаюсь понять его мотивы.

– Я хотел бы рассказать всё по порядку! – вдруг ответил Дымок, нарушив молчание.

– А что, он настолько опасен, что мне понадобится ваша помощь?! – повторила я.

– Вот, возьмите, выпейте воды. Она поможет вам обрести

ясный ум! – предложил Дымок.

Жажда мучила меня, и, не обращая внимания на то, что беру стакан из чужих рук, я выпила воду до дна, словно вода не касалась моих губ несколько дней.

– Как так? – произнесла я, и эхо прокатилось по дому.

– Скоро ты начнёшь заикаться, потом тебя потянет в сон, а когда ты проснешься, в этой комнате будет пусто. Ты просто исчезнешь! – уверенно заявил он, глядя мне в глаза.

В этот момент в дверях послышалось движение. Я надеялась, что вошедший спасет меня от Дымка, ведь я не знала, кто он на самом деле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.